

phantom press

ЗМЕЙ

В ЭССЕКСЕ

САРА ПЕРРИ

«Интеллектуальный и обаятельный роман невероятно талантливого автора», Сара Уотерс

Сара Перри
Змей в Эссексе

«Фантом Пресс»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4)

Перри С.

Змей в Эссексе / С. Перри — «Фантом Пресс», 2016

ISBN 978-5-86471-777-6

Конец XIX века, научно-технический прогресс набирает темпы, вовсю идут дебаты по медицинским вопросам. Эмансипированная вдова Кора Сиборн после смерти мужа решает покинуть Лондон и перебраться в уютную деревушку в графстве Эссекс, где местным викарием служит Уилл Рэнсом. Уже который день деревня взбудоражена слухами о мифическом змее, что объявился в окрестных болотах и питается человеческой плотью. Кора, увлеченная натуралистка и энтузиастка научного знания, не верит ни в каких сказочных драконов и решает отыскать причину странных рассказов. Она считает, что змей – попросту неизвестный науке вид пресмыкающегося, который нужно описать для научных целей. Викарий же видит в панике, охватившей его паству, угрозу вере и потому тоже стремится как можно скорее выяснить правду. Двигаясь к истине с разных сторон, убежденные противники оказываются вовлечены в странную и таинственную историю. Изящный, умный, с литературной игрой роман принимает самые разные обличия – то детектива, то любовной истории, а то и романа нравов. Сара Перри ловко балансирует на грани между исторической реальностью и вымыслом, викторианским и модернистским романом: в ее книге читатель найдет и остроумных диккенсовских нищих, и любовные сцены, и поэтичные описания природы. Это фантазия на исторические темы, но фантазия полнокровная и живая.

УДК 821.111

ББК 84(4)

ISBN 978-5-86471-777-6

© Перри С., 2016
© Фантом Пресс, 2016

Содержание

Канун Нового года	7
I	9
Январь	9
1	9
Февраль	18
1	18
2	21
3	31
4	38
5	42
Март	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сара Перри Змей в Эссексе

Стивену Кроу

*Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил
моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем
сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я».*

Мишель Монтень. Опыты¹

THE ESSEX SERPENT by SARAH PERRY

Copyright © 2016 Sarah Perry

Оформление обложки: Steve Panton

© Юлия Полещук, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», издание, 2017

¹ Пер. с фр. А. Бобовича и др. – Здесь и далее примеч. перев.

Канун Нового года

В холодном свете полной луны по берегу Блэкуотера бредет молодой человек. Он опрокидывал стакан за стаканом, провожая старый год, пока не заболели глаза, пока не утомили его сутолока и яркий свет. Теперь его мутит.

– Прогуляюсь к воде, – сказал он и чмокнул в щеку ту, что сидела рядом. – Вернусь к бою курантов.

И вот он стоит и смотрит на восток, где река медленно поворачивает к темному устью, на чаек, белеющих на волнах.

Ночь холодна, так что впору окоченеть, но греют выпитое пиво и добротное пальто. Воротник натирает шею, пальто тесновато. Молодой человек чувствует, что вдрызг пьян. Во рту пересохло. *Пойду-ка окунусь*, думает он, *надо встряхнуться*. Он спускается с тропинки и останавливается на берегу, где в черном глубоком иле ждут прилива все протоки.

– За дружбу старую – до дна,² – выводит он мелодичным тенором певчего, прыскает со смеху, и кто-то смеется в ответ. Молодой человек расстегивает и распахивает пальто, но этого ему мало – хочется, чтобы острый ветер бритвой скользнул по коже. Он подходит к воде поближе, высовывает язык, пробует соленый воздух на вкус. *Да, окунусь-ка, пожалуйста*, думает он и скидывает пальто на топкий берег. В конце концов, он не раз проделывал это в детстве в компании мальчишек, они купались, храбрясь друг перед другом, в новогоднюю ночь, когда старый год умирает в объятиях нового. Сейчас отлив, ветер стих, и Блэкуотер не опасен: дайте стакан – и реку можно осушить до дна вместе с ракушками, устрицами и всем остальным.

Вдруг что-то меняется – то ли в изгибе реки, то ли в воздухе: устье приходит в движение, как будто поверхность воды (тут молодой человек делает шаг вперед) пульсирует, колыхается, но тотчас разглаживается и замирает, однако вскоре снова вздрагивает, словно от прикосновения. Он подходит ближе, ничуть не испугавшись; чайки одна за другой взлетают, и последняя испускает отчаянный крик.

Зима оглушает его, словно ударом в темя, холод пробирается под рубашку, пронизывает до костей. Приятное опьянение испарилось, юноше неуютно в темноте; он ищет пальто, но луна скрылась за тучами, и не видно ни зги. Он медленно вдыхает колющий воздух. Топкий берег хлюпает под ногами, как будто кто-то вдруг пустил воду. *Ничего страшного*, подбадривает себя молодой человек, но все повторяется: сперва все странно замирает, словно на фотографии, а потом резко приходит в движение, которое не объяснишь влиянием луны на приливы и отливы. Ему кажется, что он видит – да что там, он видит вполне отчетливо, – как над водой медленно вздымается зловещая горбатая громадина, покрытая грубой чешуей, и тут же пропадает.

Темнота пугает. Он чувствует, во мраке что-то есть, какое-то свирепое чудище, рожденное в воде, оно выжидает, не сводит с него глаз. Монстр дремал в глубине и вот наконец всплыл на поверхность. Молодой человек представляет, как чудище рассекает грудью волну и жадно вдыхает воздух, сердце его екает от страха, словно юношу в мгновение ока судили, признали виновным и вынесли приговор: грехи его велики, и в душе червоточина! Его как будто ограбили, лишили всего, что было в нем доброго, и теперь ему нечего сказать в свою защиту. Он вглядывается в темный Блэкуотер и снова замечает, как что-то вспарывает поверхность воды и скрывается из виду, – да, чудовище поджидало его здесь и вот нашло.

² Строка из стихотворения Р. Бернса *Auld Lang Syne*. На русском языке известно в переводе С. Я. Маршака как «Старая дружба».

Молодой человек на удивление спокоен: пусть каждый получит по заслугам, он готов признать свою вину. Его мучит раскаяние, надежды на спасение нет, – что ж, поделом.

Но вдруг поднимается ветер, уносит тучу, и робкая луна снова показывает свой лик. Светит она тускло, но и это приносит облегчение: да вот же, в каком-нибудь ярде, лежит его пальто, все в грязи, вот и чайки садятся на воду – и только что пережитый ужас кажется молодому человеку абсурдным. Сверху доносится смех: по тропинке идут нарядно одетые юноша и девушка. Он машет им рукой и кричит: «Я здесь! Я здесь!» – и думает: *Да уж, здесь я* – на топком берегу, который знает лучше, чем родной дом, в месте, где река делает медленный изгиб, и нечего бояться. *Чудище!* – думает он и смеется над собственным страхом, от облегчения кружится голова. Да в этой реке сроду не водилось ничего, кроме сельди и макрели!

Нечего бояться в Блэкуотере, не в чем каяться, он просто перебрал пива, вот и причудилось в темноте. Набегает волна, старая его подруга; он заходит в воду, раскидывает руки и кричит: «Я здесь!» – и чайки верещат в ответ. *Окунусь-ка я*, думает он, *за счастье прежних дней* – и со смехом стягивает рубашку.

Маятник летит из старого года в новый, и мрак накрывает бездну.

I

Диковинные вести из Эссекса

Январь

1

Был час дня – время, когда в Гринвичской обсерватории падает шар. День выдался пасмурным, лед покрывал нулевой меридиан и оснастку широких баркасов на запруженной судами Темзе. Капитаны отмечали время и уровень воды, ладили багровые паруса к норд-осту; груз железа следовало доставить в литейную Уайтчепела, где языки колоколов звонили о наковальни полсотни раз, будто возвещая о близящемся конце времен. Время измеряли сроками в Ньюгетской тюрьме, растрачивали впустую философы в кафе на Стрэнде, теряли те, кто мечтал, чтобы былое вернулось, и проклинали те, кто желал, чтобы настоящее стало былым. Апельсины и лимоны, в Сент-Клементе перезвоны, а колокол Вестминстера молчал.

Время стоило денег на Королевской бирже, где с убыванием дня таяли надежды протаскать верблюда сквозь угольное ушко, и в кабинетах кредитного общества «Холборн-Барс», где зубастая шестеренка главных часов посылала электрический заряд дюжине подчиненных часов, отчего те принимались звонить. Клерки поднимали головы от счетных книг, вздыхали и снова опускали глаза. На Чаринг-кросс-роуд время пересаживалось с колесницы в проворные omnibuses и кэбы, а в покоях Королевской больницы и госпиталя Святого Варфоломея боль растягивала минуты в часы. В часовне Уэсли пели гимн «Текут пески времен», уповая на то, что те потекут быстрее, а в считанных ярдах от церкви на могилах кладбища Банхилл-Филдс таял лед.

В юридических корпорациях «Линкольнс-Инн» и «Миддл-Темпл» адвокаты заглядывали в календари и отмечали, что срок исковой давности истекает; в меблированных комнатах Кэмдена и Вулиджа время летело на горе любовникам, не заметившим, как быстро смерклось, и оно же своим чередом исцеляло их житейские раны. В вереницах домов-близнецов и на съемных квартирах, в высшем свете, низших кругах и среднем сословии время проводили и растрачивали впустую, берегли из последних сил и убивали под нескончаемым ледяным дождем.

Станции подземки «Юстон-сквер» и «Паддингтон» принимали пассажиров, которые текли нескончаемым потоком, точно сырье, которое везут на фабрику, чтобы измельчить, обработать, разлить по формам. На кольцевой линии в поезде, следовавшем на запад столицы, в неверном свете вагонных фонарей у «Таймс» не обнаруживалось добрых вестей, в проходе из порванного мешка высыпались битые фрукты, от плащей пассажиров пахло дождем. Доктор Люк Гаррет, втянув голову в поднятый воротник, вслух повторял строение сердца. «Левый желудочек, правый желудочек, полая верхняя вена», – считая на пальцах, бормотал он в надежде, что эта литания утихомирит бешеный стук сердца. Сидевший рядом с ним господин покосился удивленно, пожал плечами и отвернулся. «Левое предсердие, правое предсердие», – еле слышно произнес Гаррет, он привык к любопытным взглядам, хотя и старался не привлекать лишнего внимания. Друзья прозвали его Чертенком из-за малого роста (он едва доставал другим до плеча) и энергичной подпрыгивающей походки – того и гляди заскочит с размаху на подоконник. Даже сквозь пальто ощущалась его упругая сила, а лоб так выдавался вперед, словно с трудом вмещал мощный и напористый интеллект, над

черными глазами свисала неровная длинная челка цвета воронова крыла. Хирургу сравнялось тридцать два года, ум его был неукротим и ненасытен.

Лампы потухли и снова зажглись. Гаррет подъезжал к своей станции. Через час он должен присутствовать на похоронах пациента, и вряд ли нашелся бы человек, которого меньше печалила утрата. Майкл Сиборн скончался шесть дней назад от рака гортани; и пожиравший его недуг, и хлопоты врача он сносил с одинаковым безразличием. Мысли Гаррета устремились не к усопшему, а к его вдове, которая сейчас (с улыбкой подумал он), наверно, причесывает растрепанные волосы или вдруг обнаружила, что от ее добротного черного платья оторвалась пуговица.

Никогда Гаррету не доводилось видеть столь странного вдовьего траура – впрочем, с первых минут в доме Сиборнов на Фоулис-стрит он почувствовал: что-то здесь нечисто. В комнатах с высокими потолками ощущалась явственная тревога, не имевшая отношения к болезни хозяина. Пациент его в ту пору еще пребывал в относительно добром здравии, хотя и носил на шее заменявший повязку платок – непременно шелковый, непременно светлый и частенько в еле заметных пятнах. Невозможно себе представить, чтобы такой педант случайно повязал несвежий платок, и Люк подозревал, что это делается ради посетителей: пусть им станет не по себе. Из-за чрезмерной худобы Сиборн казался очень высоким, а говорил так тихо, что нужно было подойти к нему поближе, чтобы расслышать хоть слово. Держался Сиборн любезно. Говорил с присвистом. Ногти у него были синие. Во время первого осмотра он спокойно выслушал рекомендации Гаррета, но от предложенной операции отказался.

– Я намерен покинуть мир таким же, каким в него пришел, – пояснил он и похлопал себя по шелковой повязке на горле, – без единого шрама.

– К чему же терпеть мучения? – спросил Люк, но пациент не нуждался в утешении.

– *Терпеть* мучения? – Сиборна это явно позабавило. – Что ж, полагаю, поучительный опыт, – произнес он и добавил, как будто одно естественно следовало из другого: – Вы уже познакомились с моей женой?

Гаррет часто вспоминал, как впервые увидел Кору Сиборн, хотя, сказать по правде, его памяти едва ли можно было доверять, учитывая все, что случилось потом. Кора явилась в тот же миг, как будто ее позвали, помедлила на пороге, чтобы рассмотреть посетителя, затем пересекла ковер, встала за креслом мужа, поцеловала его в лоб и подала Гаррету руку:

– Чарльз Эмброуз велел звать только вас. Он дал мне вашу статью об Игнаце Земмельвайсе.³ Если режете вы так же, как пишите, мы все будем жить вечно.

Польщенный Гаррет рассмеялся и склонился над ее рукой. Голос у Кору был глубокий, но не тихий. Гаррету сперва показалось, что она говорит с акцентом, как вечные странники, которые ни в одной стране не задерживаются надолго, но потом он понял, что это всего лишь небольшое заикание, вынуждавшее удваивать некоторые согласные. Одета Кора была довольно просто, но серая юбка ее переливалась, как шея горлинки. Высокая, но не худая. Глаза серые.

В следующие несколько месяцев Гаррет начал понимать, что за тревога витала в доме на Фоулис-стрит, смешиваясь с запахом сандала и йода. Даже в смертных муках Майкл Сиборн сохранял устрашающее влияние, не похожее на обычную власть инвалида над близкими. Жена всегда была готова по первому зову принести ему холодный компресс и хорошее вино; она с такой охотой училась, как правильно вставлять иглу в вену, словно вызубрила до последней буквы руководство по женским обязанностям. Но Гаррет не заметил между Корой и ее мужем ни намека на любовь. Иногда доктор подозревал, что ей хочется, чтобы огарок свечи поскорее потух. Он даже боялся, что, когда будет набирать лекарство в шприц, она отведет его в сторонку и попросит: «Увеличьте дозу. Вколите ему побольше». Целуя

³ Игнац Филипп Земмельвайс (1818–1865) – венгерский акушер, один из основоположников дезинфекции.

истощенное лицо блаженного страдальца, она склонялась к нему так осторожно, словно опасалась, что муж приподнимется и ущипнет ее за нос. Для ухода за больным – переодеть, поменять простыни, отереть пот – нанимали сиделок, но дольше недели они не задерживались. Последняя, набожная бельгийка, столкнувшись с Люком в коридоре, прошептала: «*Il est comme un diable!*»⁴ – и показала запястье – впрочем, совершенно чистое. Лишь безымянный паршивый пес неотлучно сидел у постели хозяина и совсем его не боялся – или, по крайней мере, привык к нему.

Со временем Люк познакомился и с Фрэнсисом, сыном Сиборнов, черноволосым молчаливым мальчуганом, и с Мартой, его няней; обычно она стояла, собственнически обвив рукой талию Кору – жест, раздражавший Гаррета. Люк бегло осматривал пациента (в конце концов, чем ему можно было помочь?), и Кора уводила доктора к себе – показывать зуб ископаемого животного, который ей прислали по почте, или подробно расспрашивать о том, как он намерен усовершенствовать операции на сердце. Он практиковал на ней гипноз и рассказывал, что во время войны этот метод использовали в качестве обезболивающего при ампутации конечностей; они играли в шахматы, причем Кора каждый раз, к своему огорчению, обнаруживала, что Гаррет обложил ее со всех сторон. Люк поставил себе диагноз «влюблен», но лекарства от этого недуга не искал.

Он чуял таившуюся в этой женщине силу, которая дожидалась удобного случая, чтобы проявиться, и думал, что, когда Майклу Сиборну настанет конец, каблук его жены высекут искры из тротуара. Конец настал, и Люк присутствовал при последнем вздохе, который получился громким, натужным, как будто в заключительный миг пациент забыл *ars moriendi*⁵ и хотел лишь чуть-чуть задержаться на этом свете. Кора же с его смертью ничуть не изменилась и не выказала ни скорби, ни облегчения, только раз ее голос дрогнул, когда она сообщила, что пес издох, и было неясно, то ли она сейчас расплачется, то ли рассмеется. Свидетельство о смерти было выписано, останки Майкла Сиборна увезли, и у Гаррета не было более причин наведываться на Фоулис-стрит, но каждое утро он просыпался с одной-единственной мыслью и, подойдя к железным воротам, обнаруживал, что его ждали.

Поезд подошел к «Набережной», и толпа потащила Люка по платформе. Его охватила странная грусть – не скорбь по Майклу Сиборну и не сострадание его вдове, больше всего доктора беспокоило, что эта встреча с Корой может оказаться последней, что он под погребальный звон в последний раз бросит на нее взгляд через плечо. «И все же я должен там быть, – сказал он себе, – пусть даже лишь для того, чтобы увидеть, как закроют крышку гроба». На тротуаре за турникетами растаял лед; белое солнце клонилось к закату.

* * *

Одетая, как диктовали правила, Кора Сиборн сидела перед зеркалом. В уши она вдела золотые серьги с жемчугом, и мочки болели, поскольку пришлось их прокалывать заново. «Раз нужны слезы, – сказала она себе, – сойдут и такие». Напудренное лицо ее казалось бледным. Черная шляпка не шла Коре, но вуаль и плюмаж соответствовали траурным требованиям. Обтянутые тканью пуговицы на черных манжетах не застегивались, и между краем рукава и перчаткой белела полоска кожи. Вырез у платья был чуть глубже, чем Коре хотелось, и открывал фигурный шрам на ключице, длиной и шириной с большой палец руки. Шрам был точной копией серебряных листьев на серебряных подсвечниках, стоявших по бокам зеркала в серебряной раме: муж вдавил этот подсвечник в ее тело, точно перстень с печаткой в расплавленный воск. Кора думала замазать шрам, но потом привыкла к нему

⁴ Это сущий дьявол (фр.).

⁵ Искусство умирать (лат.).

и даже полюбила, к тому же она знала, что в определенных кругах ей завидовали, считая шрам татуировкой.

Она отвернулась от зеркала и оглядела комнату. Любой гость замер бы в удивлении на пороге, увидев с одной стороны высокую мягкую постель и узорчатые портьеры, как в спальне богатой дамы, а с другой – берлогу ученого. Дальний угол был оклеен ботаническими гравюрами, географическими картами, вырванными из атласов, и листами бумаги, на которых Кора большими черными буквами написала цитаты (НЕ СПИ ЗА ШТУРВАЛОМ! НЕ ПОВОРАЧИВАЙСЯ К КОМПАСУ СПИНОЙ!). На каминной полке была расставлена по размеру дюжина аммонитов, а над ними в золотой раме Мэри Эннинг⁶ с собачкой рассматривали лежавший на земле обломок скалы в Лайм-Риджис. Неужели это все теперь ее – и ковер, и стулья, и хрустальный бокал, от которого до сих пор пахнет вином? Видимо, да, решила Кора, и при этой мысли члены ее наполнила легкость, словно законы Ньютона не были над ней властны и она, раскинув руки и ноги, вот-вот воспарит под потолок. Она тут же подавила это чувство, как того требовали приличия, но успела его распознать – пожалуй, не счастье и даже не удовлетворение, а облегчение. Бесспорно, к нему примешивалась скорбь, и она была этому рада: как бы муж ей ни опостылел, все же он ее воспитал, пусть лишь отчасти, – так зачем же ненавидеть саму себя?

– Да, он меня создал, – проговорила Кора, и перед ее глазами, точно дымок от потушенной свечи, поплыли воспоминания.

Ей было семнадцать лет, она жила с отцом в доме над городом, мать ее давно умерла, но при жизни позаботилась о том, чтобы дочь не обрекли учиться лишь вышиванию да французскому языку. Отец Кору не знал, как распорядиться своим довольно скромным состоянием; арендаторы относились к нему доброжелательно, но без уважения. В один прекрасный день он уехал по делам, вернулся с Майклом Сиборном и с гордостью представил ему дочь. Кора встретила их босая, с латинской фразой на устах. Гость взял ее руку в свою, рассмотрел, попенял за сломанный ноготь. С тех пор он навещал ее не раз, и наконец его визитов стали ждать. Он привозил ей брошюры и бессмысленные сувениры и дразнил ее: большим пальцем гладил ладонь, так что кожа зудела и все существо Кору, казалось, устремлялось в ту единственную точку, которой касался его палец. В его присутствии Хэмпстедские пруды, скворцы на закате, раздвоенные отпечатки овечьих копыт в грязи – все казалось ничтожным, унылым. Кора стала стыдиться своей просторной неопрятной одежды и небрежных волос.

Однажды он сказал ей: «В Японии разбитую глиняную посуду склеивают расплавленным золотом. Как было бы чудесно, если бы я мог вас разбить, а после исцелить ваши раны золотом». Но ей тогда было семнадцать, ее защищала броня молодости, и Кора не почувствовала опасности, она лишь рассмеялась, а за ней и Майкл. В свой девятнадцатый день рождения она сменила пение птиц на веера из перьев, сверчков в высокой траве – на блестящий жакет в мушиных крыльях; стан ее сдавливал китовый ус, пронзала слоновая кость, в волосы был воткнут черепаховый гребень. Говорила она медленно, чтобы скрыть заиканье, гулять не ходила. Он подарил ей золотое кольцо, которое оказалось мало, а годом позже другое, еще меньше.

Из задумчивости вдову вывели шаги над головой – медленные и размеренные, как тиканье часов. «Фрэнсис», – произнесла Кора и смолкла в ожидании.

⁶ Мэри Эннинг (1799–1847) – британский палеонтолог-любитель. Собачку звали Трей, и она погибла во время оползня, когда Мэри собирала окаменелости.

* * *

За год до смерти отца и приблизительно за полгода до того, как болезнь впервые дала о себе знать (опухоль в горле помешала за завтраком проглотить кусок поджаренного хлеба), Фрэнсиса Сиборна переселили в комнату на четвертом этаже, в самом дальнем конце коридора.

Отец едва ли выказал бы интерес к домашним хлопотам, даже если в тот день ему не пришлось бы проводить в парламенте закон о жилье. Решение приняли мама и Марта, которую взяли к Фрэнсису няней, когда он был грудным младенцем; с тех пор она, по ее выражению, «все никак не поспевала уволиться». Обе женщины полагали, что мальчика лучше держать подальше, поскольку он частенько бродил по ночам и пытался выйти в дверь, а раз другой – и в окно. Фрэнсис никогда не просил попить, не искал утешения, как обычный ребенок, просто стоял на пороге, сжимая в кулачке один из своих талисманов, пока тревога не вынуждала няню поднять голову от подушки.

Вскоре после переселения в Верхнюю комнату, как ее называла Кора, Фрэнсис утратил интерес к еженощным скитаниям и принялся собирать (никто ни разу не назвал это воровством) все, что ему приглянулось. Из находок он выкладывал сложные загадочные узоры, и всякий раз, когда Кора являлась с родительским визитом, обнаруживались новые. Она бы даже любовалась их причудливой красотой, будь это дело рук чужого ребенка.

Поскольку была пятница и день отцовых похорон, Фрэнсис оделся самостоятельно. В одиннадцать лет он не только умел самостоятельно одеваться, но и твердил наизусть грамматические присказки: «без чулок, но без носков» («Что в жизни короче, то на письме длиннее»). Смерть отца стала для мальчика ударом, но не большим, чем утрата днем ранее одного из его сокровищ – это было голубиное перо, самое заурядное, однако его можно было согнуть в идеальный круг, не сломав. Когда Фрэнсису сообщили новость, он тут же подметил, что мама не плачет, но держится строго, напряженно и словно светится изнутри, как будто в нее только что ударила молния. Первой мыслью его было: «За что мне это все?» Но перышка уже не вернуть, отец умер, и, похоже, придется идти в церковь. Это ему даже понравилось. «Смена занятия – лучший отдых», – проговорил он, стараясь держаться учтиво.

Больше всех из-за смерти Майкла Сиборна страдала его собака. Она безутешно выла под дверью больного. Быть может, если бы пса приласкали, он бы успокоился, но, поскольку ничья рука не коснулась его грязной шкуры, то обряжали усопшего («Положи ему монетку на глаз, для перевозчика, – сказала Марта, – едва ли святой Петр об этом побеспокоится») под все тот же тоскливый вой. Сейчас, конечно, собака уже издохла, думал Фрэнсис, довольно поглаживая клочок шерсти, который снял с рукава отца, так что единственного плакальщика теперь самого нужно оплакивать.

Он не знал, какие ритуалы сопровождали прощание с покойным, но решил, что лучше подготовиться. В курточке его было несколько карманов, в каждом лежала не то чтобы реликвия, но, как полагал Фрэнсис, предмет, подходящий для такого случая. Треснувший монокль, сквозь который мир представлял перед глазами разбитым на части; клочок шерсти (мальчик надеялся втайне, что на нем по-прежнему обитает блоха или клещ, а в брюхе у него, если уж совсем повезет, капелька крови); вороново перо, лучшее в коллекции, с синеватым кончиком; клочок ткани, который он оторвал от Мартиноного подола, заметив на нем пятно в форме острова Уайт, и камешек с дыркой точнехонько посередине. Фрэнсис спрятал сокровища, похлопал себя по карманам, выложил лишнее и отправился вниз, к матери, на каждой из тридцати шести ступенек лестницы, ведущей к ее комнате, приговаривая нараспев: «Сегодня – здесь – завтра – там, сегодня – здесь – завтра – там».

– Фрэнки...

Какой же он еще маленький, подумала Кора. Лицо его, каким-то чудным образом смутно напоминавшее черты обоих родителей (кроме черных и довольно плоских отцовских глаз), хранило бесстрастное выражение. Фрэнсис причесался, так что волосы лежали ровными прядями. Кору растрогало, что сын позаботился о туалете, она протянула было мальчику руку, но тут же уронила ее на колени. Фрэнсис похлопал себя по карманам и спросил:

– Где он сейчас?

– Он будет ждать нас в церкви.

Надо ли его обнять? Судя по виду сына, не похоже, чтобы он нуждался в утешении.

– Если хочешь поплакать, поплачь, тут нечего стыдиться.

– Если бы я хотел плакать, я бы поплакал. Если я чего-то захочу, обязательно сделаю.

Кора не стала его упрекать, потому что Фрэнсис лишь констатировал факт. Мальчик снова похлопал себя по карманам, и она заметила негромко:

– Ты взял с собой сокровища.

– Я взял с собой сокровища. У меня есть сокровище для тебя (*хлоп*), сокровище для Марты (*хлоп*), сокровище для папы (*хлоп*), сокровище для меня (*хлоп-хлоп*).

– Спасибо, Фрэнки... – растерянно проговорила Кора, но тут наконец пришла Марта, как всегда, бодро, и напряжение, сгустившееся было в воздухе, растаяло от одного лишь ее присутствия. Она легонько потрепала Фрэнсиса по волосам, как будто он был самым обычным ребенком, и сильной рукой обвила Кору за талию. От Марты пахло лимонами.

– Что ж, пойдете, – предложила она. – Он не любил, когда опаздывают.

Колокола церкви Святого Мартина возвестили об усопшем в два часа пополудни, поминальный перезвон прокатился по Трафальгарской площади. Фрэнсис, наделенный беспощадно острым слухом, зажал уши руками в перчатках и отказался переступить порог храма, пока не смолк последний отзвук. Прихожане, которые, обернувшись, глядели на припозднившуюся вдову с сыном, довольно вздохнули: надо же, как они бледны! Какой (приличествующий случаю) скорбный облик! А шляпка, вы только посмотрите!

Кора с вежливым отстранением наблюдала за действием. В нефе, загораживая алтарь, на постаменте, напоминавшем стол в мясной лавке, покоилось в гробу тело ее мужа. Она не помнила, чтобы когда-нибудь видела его целиком, лишь мельком, бросая короткие и подчас испуганные взгляды на тонкий слой очень белой плоти на изящных костях.

Тут ее осенило: а ведь в действительности она ничего не знала о том, как муж ведет себя в общественной жизни, протекавшей точно в таких же (так думала Кора) кабинетах в палате общин, среди коллег в Уайтхолле и в клубе, куда ей вход был заказан, поскольку она имела несчастье родиться женщиной. Быть может, к другим он был добр. Да, скорее всего, так и было, а на жене вымещал злобу, адресованную не ей. Если вдуматься, было в этом даже нечто благородное. Кора посмотрела на руки, как будто ждала, не проступят ли стигмы.

Наверху, на высоком черном балконе, который в полумраке церкви, казалось, парил в нескольких футах над подпиравшими его колоннами, сидел Люк Гаррет. «Чертеночек, – подумала Кора, – вы только посмотрите на него!» Сердце ее рванулось навстречу другу, вжалось в ребра. Пальто Гаррета подходило к случаю не более чем его хирургический фартук, к тому же Кора была уверена, что все время до похорон он пил, а девушка, сидевшая с ним рядом, – недавняя знакомая, чью благосклонность он купил. Однако, несмотря на темноту и расстояние, под взглядом его черных глаз Коре тут же захотелось рассмеяться. Ее настроение угадала Марта и ущипнула подругу за ногу, так что позже, за бокалом вина в Хэмпстеде, Паддингтоне и Вестминстере присутствовавшие на церемонии говорили: «Вдова Сиборна задыхнулась от горя, когда священник произнес: "Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет".⁷ Это было так трогательно».

⁷ Иоан. 11:25.

Сидевший рядом с матерью Фрэнсис что-то зашептал, прижав большой палец к губам и зажмурившись, отчего показался совсем маленьким, и Кора накрыла его руку своей. Горячая ладошка сына спокойно и ловко лежала в ее руке, и, помедлив, Кора снова сложила руки на коленях.

После церемонии, когда между рядами скамей зашелестели черные сутаны, точно захлопали крыльями грачи, Кора вышла на крыльцо храма, чтобы попрощаться с прихожанами. Они были сама доброта и сострадание: она должна знать, что у нее в Лондоне есть друзья; ее всегда ждут к ужину, вместе с ее ангелочком; они будут поминать ее в молитвах. Кора передала Марте столько визитных карточек, букетиков, столько памятных книжечек и вышивок с черным кантом, что прохожий мог принять все это за свадьбу, пусть и мрачную.

Вечер еще не настал, но в свете уличных фонарей на ступенях церкви уже искрился иней, и на город опустился бледный полог тумана. Кора вздрогнула, и Марта подошла ближе, чтобы подруга почувствовала тепло ее миниатюрного тела во втором по качеству пальто.⁸ Фрэнсис стоял чуть поодаль. Левой рукой мальчик шарил в кармане курточки, а правой судорожно приглаживал волосы. Было не похоже, чтобы он расстроился, иначе каждая из женщин обняла бы его и прошептала что-нибудь утешительное. Слова непременно нашлись бы, будь в них нужда, однако Фрэнсис имел вид человека, любезно смирившегося с тем, что пришлось нарушить милый сердцу распорядок.

– Господи помилуй! – воскликнул доктор Гаррет, когда ушел последний прихожанин в черной шляпе, довольный, что все закончилось и можно перейти к вечерним развлечениям, а затем и к утренним делам, и, мгновенно сменив тон на серьезный (черта, которая делала его неотразимым), взял Кору за руку: – Молодчина, Кора, вы отлично держались. Позвольте я отвезу вас домой. Я голоден как волк. А вы? Я готов проглотить лошадь вместе с жеребенком.

– Откуда у вас деньги на лошадь! – заметила Марта с досадой – как всегда, когда говорила с доктором. Это она прозвала его Чертенком, хотя никто уже об этом не помнил. Марту раздражало его присутствие в доме на Фоулис-стрит, где он поначалу бывал в силу долга, а затем и без особых причин, что ей особо не нравилось.

Гаррет отделался от спутницы и спрятал в нагрудный карман носовой платок с черной каймой.

– Больше всего мне сейчас хочется прогуляться, – заявила Кора.

Фрэнсис, как будто уловив ее внезапную усталость и увидев в этом для себя благоприятную возможность, подошел к матери и потребовал, чтобы они ехали домой на метро. Его слова, как обычно, прозвучали не как просьба ребенка, которая, если будет выполнена, доставит ему удовольствие, но как голая констатация факта. Гаррет, который еще не научился договариваться с маленьким упрямым, проворчал: «Хватит с меня на сегодня Аида» – и махнул проезжавшему мимо кэбу.

Марта взяла мальчика за руку, и тот, изумленный ее дерзостью, не стал вырываться.

– Я поеду с тобой, Фрэнк, там хотя бы тепло, а то я уже не чувствую пальцев ног. Кора, но как же ты пойдешь? Тут же самое меньшее три мили?

– Три с половиной, – уточнил доктор, как будто собственноручно клал брусчатку на мостовой. – Кора, позвольте мне пойти с вами. (Кэбмен нетерпеливо пошевелился, и доктор его обругал.) Не пристало вам ходить одной. Вы не можете...

– Не пристало? Не могу? Это еще почему? – Кора стянула перчатки, которые защищали от холода не лучше паутины, и сунула их Гаррету. – Дайте мне ваши, понятия не имею, зачем такие делают и почему женщины их покупают. Прекрасно могу и пойду. Я одета как раз для прогулки. – Тут Кора приподняла подол и показала башмаки, которые больше подошли бы школьнику.

⁸ «Второе по качеству пальто» – парафраз «второй по качеству кровати», которую У. Шекспир завещал жене.

Фрэнсис отвернулся от матери, потеряв интерес к тому, как пройдет вечер: дома, в Верхней комнате, его ждало важное дело и несколько новых находок (*хлоп-хлоп*), которыми следовало заняться. Он вырвал руку и зашагал прочь от Марты. Та бросила подозрительный взгляд на Гаррета и печальный – на подругу, наскоро попрощалась и скрылась в тумане.

– Позвольте мне пойти одной, – попросила Кора, надевая позаимствованные у Гаррета перчатки, которые оказались такими тонкими, что едва ли были теплее ее собственных. – У меня в голове все так перепуталось, надо milю пройти или больше, пока распутается. – Она коснулась торчавшего из кармана Гаррета платка с траурной каймой: – Если хотите, приходите завтра на могилу. Правда, я всем сказала, что пойду одна, но мы ведь и так всегда одни, даже если рядом с нами кто-то есть.

– За вами должен ходить писарь и переносить ваши мудрые изречения на бумагу, – съязвил Чертенок и выпустил руку Кору. Отвесив шутовской поклон, он сел в кэб и под смех Кору захлопнул дверь.

В очередной раз подивившись, как под влиянием Гаррета меняется ее настроение, Кора сперва направилась не на запад, к дому, а к Стрэнду. Ей хотелось отыскать место, где Флит заключили под землю, – где-то к востоку от Холборн. Там была решетка, из-под которой в тихую погоду доносилось журчание реки, бегущей к морю.

Кора дошла до Флит-стрит; она думала, если вслушаться хорошенько, то в серых сумерках зашумит река в продолговатой своей могиле, но не услышала ничего, кроме гула города, который ни мороз, ни туман не могли отпугнуть от работы или удовольствия. К тому же ей как-то сказали, что ныне река превратилась в сточную канаву, которая наполняется вовсе не дождевой водой из парка Хэмпстед, а отходами жизнедеятельности тех, кто обитает на ее берегах. Кора постояла еще чуть-чуть, пока руки не заболели от холода и не запульсировали проколотые мочки. Тогда Кора вздохнула и отправилась домой, обнаружив, что тревога, окутывавшая высокий белый дом на Фоулис-стрит, исчезла, канула где-то меж черных церковных скамей.

Марта, в волнении дожидавшаяся возвращения Кору (та пришла домой через час после нее; черная шляпка ее сбилась, сквозь пудру сияли веснушки), свято верила, что хороший аппетит – свидетельство здорового ума, и теперь с удовольствием наблюдала, как подруга поглощает яичницу с гренками.

– Я так рада, что все закончилось, – призналась Кора. – Все эти карточки, рукопожатия. Как же я устала от похоронной церемонии!

В отсутствие матери Фрэнсис, которого метро успокоило, безмолвно поднялся к себе со стаканом воды и заснул, зажав в кулаке огрызок яблока. Марта, замерев на пороге его комнаты, отметила, какими черными кажутся ресницы мальчика на фоне белой щеки, и сердце ее растаяло. На подушке у Фрэнсиса лежал клочок шерсти несчастного пса; там наверняка кишмя кишат блохи и вши, подумала она и наклонилась над мальчиком, чтобы тихонько, не разбудив его, забрать эту дрянь. Но, видимо, случайно коснулась запястьем подушки, и Фрэнсис проснулся так быстро, что она и ахнуть не успела. Заметив в ее руке клочок шерсти, мальчишка издал бессловесный гневный вопль; Марта выронила грязный комок и выбежала из комнаты. «Почему я его боюсь, он же ребенок, сирота?» – думала она, спускаясь по лестнице, и хотела было вернуться, заставить Фрэнсиса отдать ей эту гадость, а может, даже поцеловать его, если разрешит. Но тут в двери заскрежетал ключ и вошла Кора, потребовала зажечь камин, стянула перчатки и раскрыла подруге объятия.

В тот день Марта легла спать последней. Проходя поздно вечером мимо комнаты подруги, она остановилась у двери: за последние годы у нее вошло в привычку проверять перед сном, все ли у Кору благополучно. Дверь оказалась приотворена, в камине шипело и плевалось полено.

– Спишь? Можно к тебе? – спросила Марта с порога и, не получив ответа, ступила на толстый светлый ковер. На каминной полке лежали визитки с траурной каймой и открытки с соболезнованиями, исписанные убористым почерком; букет фиалок, перевязанный черной лентой, упал на очаг. Марта нагнулась его поднять, и цветы словно спрятались от нее, укрылись за сердцевидными листьями. Она поставила их в стаканчик с водой – так, чтобы подруга, проснувшись, сразу же увидела букет, – и наклонилась поцеловать Кору. Та что-то пробормотала, пошевелилась, но не проснулась. Марта вспомнила, как впервые пришла в дом на Фоулис-стрит няней, ожидая встретить надменную матрону, поглупевшую от моды и сплетен, однако особа, отворившая ей двери, обманула ее ожидания. Она оказалась непредсказуемой. Едва очарованная и разъяренная Марта успевала привыкнуть к одной Коре, как ей на смену являлась другая: только что была самодовольная умница-студентка – и вот уже давняя близкая подруга; дама, закатывавшая роскошные модные ужины, – но стоило последнему гостю уйти, как она грубо бранилась, распускала волосы и, смеясь, растягивалась у камина.

Даже голос ее вызывал недоуменное восхищение: полунапев, полужаикание на некоторых звуках при малейшей усталости. А то, что за внешним обаянием умницы (которое, насмешливо отмечала Марта, Кора включала и выключала, когда хотела, как водопроводный кран) скрывались раны, лишь делало ее прелестнее. Майкл Сиборн относился к Марте с таким же безразличием, что и к вешалке для шляп в прихожей, няня сына для него совершенно ничего не значила, и, столкнувшись с нею на лестнице, он даже не поднимал на нее глаза. Но от наблюдательной Марты не укрывалось ничего: она слышала каждое вежливое оскорбление, замечала каждый потаенный синяк, и ей стоило огромных усилий удержаться и не замыслить убийство, за которое она с превеликой радостью пошла бы на виселицу. Не минуло и года с тех пор, как Марта утвердилась на Фоулис-стрит, и однажды к ней в комнату пришла Кора – в глухой предутренний час, когда никто не спал. Что-то муж ей сказал или сделал: в теплую ночь женщину била крупная дрожь, густые растрепанные волосы были мокрыми. Не говоря ни слова, Марта приподняла одеяло и приняла Кору в объятия, согнув ноги в коленях, чтобы крепче прижать к себе подругу, и дрожь Кору передалась Марте. Тело Кору, не стесненное тканью и китовым усом, казалось крупным, сильным; Марта чувствовала, как двигаются лопатки на узкой спине, как прижимается к ее руке мягкий живот, какие крепкие, мускулистые у Кору бедра. Она словно держала в объятиях дикое животное, которое больше никогда не согласится лежать так смирно. Проснулись они в обнимку, совершенно успокоившись, и расстались с нежностью.

Сейчас Марта ободрилась, увидев, что Кора уснула не в слезах скорби. Перед сном она по старой привычке перечитывала свои заметки, которые называла «конспектами», как мальчишка, готовящийся поступать в колледж. На кровати возле нее лежала старая кожаная папка, некогда принадлежавшая Кориной матери, позолоченная монограмма потерлась от времени; Марта утверждала, что от папки пахнет животным, из кожи которого ее когда-то изготовили. Рядом валялись тетрадки, исписанные бисерным почерком, с пометками на полях и засушенными стеблями сорняков и злаков меж страниц, а также карта с частью побережья, размеченной красными чернилами, по одеялу были разбросаны бумаги. Кора заснула с аммонитом из Дорсета в руке, но во сне слишком сильно сжала кулак, и аммонит раскрошился, испачкав ее ладонь.

Февраль

1

– Возьмем, к примеру, жасмин. – Доктор Гаррет сбросил со стола бумаги, словно ожидал увидеть под ними белые бутоны, готовые вот-вот расцвести, и, обнаружив вместо них кисет с табаком, принялся скручивать папиросу. – Его приторный аромат и приятен и неприятен одновременно; люди кривятся, но подходят ближе, кривятся, но подходят ближе, то ли этот запах противен, то ли притягателен. И если бы мы признали, что боль и наслаждение не противоположности, а части единого целого, мы бы наконец поняли... – Доктор потерял нить рассуждения и задумался, стараясь ее поймать.

Стоявший у окна мужчина, привычный к таким лекциям, глотнул пива и мягко заметил:

– Только на прошлой неделе ты пришел к заключению, что любая боль – зло, а удовольствие – благо. Я в точности помню твою мысль, потому что ты неоднократно ее повторил и даже записал для меня, чтобы я ненароком не забыл. Бумажка и сейчас у меня с собой... – Он насмешливо похлопал себя по карманам и тут же покраснел, поскольку так и не научился искусству дружеской подначки. Джордж Спенсер был полной противоположностью Гаррета: высокий, богатый, светловолосый, застенчивый, его чувства были глубоки, а мысли не слишком проворны. Все, кто знал их со студенческой скамьи, в один голос утверждали, что Спенсер – совесть Чертенка, ампутированная, все бежит за ним по пятам и никак не догонит.

Гаррет глубже уселся в кресло.

– Разумеется, на первый взгляд тут кроется неправомерное противоречие, но лучшие умы способны без труда вместить две взаимоисключающие мысли. – С этими словами Гаррет так нахмурился, что глаза почти скрылись под черными бровями и смоляной челкой, и осушил стакан. – Сейчас я тебе все объясню...

– Я бы с радостью послушал, но у меня обед с друзьями.

– Нет у тебя никаких друзей. Ты даже мне не нравишься. Послушай, нет ничего отвратительнее, чем причинять или чувствовать боль, и бессмысленно это отрицать. До того как мы научились давать пациенту наркоз, хирургов тошнило от ужаса перед тем, что им предстояло сделать; разумные, душевно здоровые мужчины и женщины готовы были скорее укоротить себе жизнь лет на двадцать, чем лечь под нож, – как и ты, как и я! И все равно невозможно определить, что же такое боль, что мы чувствуем на самом деле и все ли воспринимают ее одинаково: это вопрос воображения, а не телесных ощущений, – понимаешь теперь, как полезен бывает гипноз? – Гаррет, прищурясь, посмотрел на Спенсера: – Допустим, ты мне скажешь, что страдаешь от ожога. Откуда мне знать, похожи ли чувства, которые ты испытываешь, на то, что чувствовал бы я, получи я такую же травму? С уверенностью могу лишь утверждать, что наши организмы отреагировали бы на одно и то же внешнее воздействие. Пусть мы оба завопим от боли, полезем в холодную воду и тому подобное, но откуда мне знать, что ты не испытываешь ощущение, от которого я, доведись мне его пережить, кричал бы совершенно на другой лад? – Он по-волчьи оскалился и продолжал: – Да и важно ли это? Неужели из-за того врач прописал бы тебе другое лекарство? Если мы поставим под сомнение истинность – или, если угодно, значимость – боли, сумеем ли мы не поддаться искушению помогать (или, напротив, отказывать в помощи) на основании критерия, который сами же признаем произвольным?

На этом Гаррет потерял к разговору интерес, нагнул, подобрал с пола бумаги и принялся раскладывать их аккуратными стопками.

– А вообще с практической точки зрения в этом нет никакого смысла. Так, подумалось, вот и все. Иногда мне приходят мысли, хочется с кем-то поделиться, а кроме тебя, не с кем. Собаку завести, что ли.

Спенсер, заметив, что друг помрачнел, достал папиросу и, не обращая внимания на тиканье своих часов, уселся на жесткий стул и огляделся по сторонам. Комната сияла чистой, и скупое зимнее солнце, как ни старалось, не могло отыскать ни соринки. Здесь стояли два стула и стол, для прочих надобностей служили два поставленных стоймя ящика. Над окном был приколот длинный кусок ткани, истончившийся и полинявший от стирки; камин из белого камня блестел. Сильно пахло лимонами и антисептиком. Над камином висели в черных рамках фотографии Игнаца Земмельвайса и Джона Сноу. К стене над небольшим письменным столом был приколот рисунок (подписанный: ЛЮК ГАРРЕТ, 13 ЛЕТ), изображавший змея, который, высовывая жало, обвинял посох; символ Асклепия, бога врачевания – это божество вырезали из утробы матери прямо на ее погребальном костре. Спенсер никогда не видел, чтобы по трем маршам белой лестницы в это жилище приносили иную пищу и питье, кроме дешевого пива и крекеров. Он посмотрел на друга, чувствуя, как в душе привычно борются досада и нежность.

Спенсер ясно помнил их первую встречу в аудитории Королевской больницы. Гаррет быстро обскакал преподавателей в познаниях и смекалке, поэтому учился неохотно и лишь на занятиях по анатомии сердца и сосудистой системы оживлялся настолько, что наставники принимали его мальчишеское рвение за насмешку и частенько выгоняли из класса. Спенсер сознавал: чтобы скрыть и преодолеть ограниченность своих способностей, он должен учиться, и учиться упорно, а потому избегал Гаррета. Спенсер боялся, что, если их увидят вместе, ему не поздоровится, к тому же побаивался взгляда блестящих черных глаз. Как-то вечером он застал Гаррета в лаборатории (все давным-давно ушли, и двери ее должны были быть закрыты) и сперва подумал, что тот в глубоком отчаянии. Понурился, Гаррет сидел на одной из щербатых скамей в подпалинах от бунзеновской горелки и пристально рассматривал что-то у себя в ладонях.

– Гаррет, – окликнул Спенсер, – это ты? Что с тобой? Что ты здесь делаешь так поздно?

Гаррет не ответил, но повернул голову, и Спенсер не заметил на его лице привычной сардонической усмешки. Гаррет встретил его открытой радостной улыбкой, и Спенсер подумал было, что тот его перепутал с кем-то из своих друзей, но Гаррет махнул ему и сказал:

– Иди сюда! Посмотри, что я сделал!

Спенсер сперва решил, что Гаррет занялся вышивкой. В этом не было ничего странного: каждый год хирурги-выпускники соревновались, у кого получатся тоньше стежки на квадрате белого шелка; поговаривали, что некоторые практиковались с нитями паутины. Гаррет же пристально рассматривал вещь, похожую на прекрасный японский веер в миниатюре, с изящной плетеной кисточкой на ручке. Шириной вещь была с большой палец, на плотном изжелта-кремовом шелке пестрели тончайшие сине-алые узоры, так что почти не было видно, как нити проходят сквозь ткань. Спенсер наклонился, пригляделся и понял, что перед ним, – аккуратный срез внутренней оболочки человеческого желудка, толщиной не более бумажного листа. Гаррет впрыснул в него чернила, чтобы подцветить рисунок кровеносных сосудов, и поместил меж двух предметных стекол. Ни один художник на свете не сумел бы повторить затейливые петли и изгибы вен и артерий, которые не складывались в узор; Спенсеру они напомнили голые весенние деревья.

– Ого! – Спенсер поднял глаза на Гаррета, и они обменялись восхищенными взглядами, что и связало их навеки. – Сам сделал?

– А то кто же! Я в детстве увидел у отца на рисунке похожую штуку – кажется, Эдварда Дженнера – и сказал, что и сам так смогу. Отец тогда мне не очень-то поверил, и вот пожалуй, я сдержал слово. Пришлось залезть в морг. Не выдашь меня?

– Никогда в жизни! – поклялся очарованный Спенсер.

– Сдается мне, большинство из нас – я-то уж точно – под кожей куда пригляднее, чем снаружи. Если меня вывернуть наизнанку, я буду писанным красавцем! – Гаррет спрятал стекла в картонную коробочку, перевязал бечевкой и благоговейно, как священник реликвию, спрятал в нагрудный карман. – Отнесу в мастерскую, чтобы вставили в рамку из черного дерева. Не знаешь, оно дорогое? А может, сосны или дуба. Надеюсь, в один прекрасный день я встречу кого-то, у кого это вызовет такой же восторг, как у меня. Кстати, не выпить ли нам пива?

Спенсер посмотрел на тетрадь, которую захватил с собой из комнаты, потом перевел взгляд на лицо Люка и вдруг понял, что тот застенчив и, пожалуй, одинок.

– Почему бы и нет? – ответил он. – Если я все равно завалю экзамен, так нечего и хлопотать.

Гаррет ухмыльнулся:

– Надеюсь, у тебя есть деньги, а то я со вчерашнего дня ничего не ел. – И он помчался вприпрыжку по коридору, смеясь не то над собой, не то над Спенсером, а может, над старой шуткой, которую вдруг вспомнил.

По-видимому, Гаррет так и не встретил ту, которая сумела бы по достоинству оценить его шедевр, равно как и не нашел для него подходящую рамку: сейчас, многие годы спустя, предметные стекла лежали на каминной полке в белой картонной коробке, потемневшей по краям. Спенсер размял папиросу в пальцах и поинтересовался:

– Она уехала?

Гаррет поднял глаза и хотел было притвориться, будто не понял, о ком речь, но осознал, что Спенсера этим не обмануть.

– Кора? Она уехала на прошлой неделе. На Фоулис-стрит закрыты ставни и мебель в чехлах. Я знаю, я специально посмотрел. – Он насупился. – Когда я пришел, ее уже и след простыл. В доме была только Марта. Эта старая ведьма наотрез отказалась дать мне адрес: дескать, Коре нужны тишина и покой, в свое время она сама мне напишет.

– Марта старше тебя всего на год, – мягко заметил Спенсер. – А где ты, там ни тишины, ни покоя, уж не обессудь.

– Но я же ее друг!

– Да, но не самый тихий и спокойный. Куда она уехала?

– В Колчестер. Колчестер! Что там вообще, в этом Колчестере? Руины, река, грязь, у крестьян перепонки на ногах растут.

– Я читал, что там на побережье находят древние ископаемые. Модницы носят кольцо из акулиных зубов в серебряной оправе. Кора там будет счастлива как ребенок, по колено в грязи. Да вы скоро увидите.

– Что значит «скоро»? На кой черт ей сдался этот Колчестер? Ведь и месяца не прошло. Ей сейчас полагается оплакивать усопшего. (На этих словах ни один из мужчин не отважился поднять глаза на другого.) Она должна быть с теми, кто ее любит.

– Она с Мартой, а никто не любит Кору больше, чем Марта. – Спенсер не обмолвился о Фрэнсисе, который несколько раз обыграл его в шахматы, – почему-то не верилось, чтобы мальчик любил мать. Часы Спенсера затикали громче, и он видел, как Гаррет медленно закипает. Спенсер подумал, что его ждет обед, теплый дом с мягкими коврами, и сказал так, словно эта мысль только что пришла ему в голову: – Кстати, хотел спросить: как твоя статья?

Напомнить Гаррету о перспективе признания в ученом сообществе было все равно, что показать собаке кость: в последнее время только это и могло отвлечь его от мыслей о Коре Сиборн.

– Статья? – выплюнул Гаррет, будто взял в рот какую-то гадость, и продолжил, смягчившись: – О замене аортального клапана? Почти готова.

Он проворно, почти не глядя вытащил из стопки тетрадей с полдюжины страниц, густо исписанных черными чернилами.

– Воскресенье – крайний срок. Пожалуй, надо бы поднажать. А теперь уходи, хорошо?

Гаррет склонился над столом, взял лезвие и принялся точить карандаш. Затем развернул большой лист бумаги, на котором было изображено увеличенное в несколько раз человеческое сердце в поперечном разрезе с загадочными чернильными пометками и надписями, сперва перечеркнутыми, а потом восстановленными, с множеством восклицательных знаков. Какой-то знак на полях привлек внимание Гаррета, и он, чертыхнувшись не то от злости, не то от восторга, принялся что-то царапать на бумаге.

Спенсер выудил из кармана банкноту, молча положил на пол, чтобы его друг, обнаружив деньги, подумал, что сам их обронил и позабыл об этом, и закрыл за собой дверь.

2

Кора Сиборн шагала по Колчестеру под руку с Мартой, держа над собой и подругой зонт. Они прочесали берега реки в поисках зимородков и замок в поисках воронов, но зимородков нигде не было видно («Наверно, они все улетели на Нил, – как думаешь, Марта, может, нам последовать за ними?»), зато по главной башне замка расхаживали полчища угрюмых грачей в обтрепанных штанишках.

– Красивые развалины, – заметила Кора, – но мне бы хотелось увидеть виселицу или еретика с выклеванными глазами.

Марта мало интересовалась прошлым, поскольку всегда старалась смотреть в светлое будущее, которое наступит через считанные годы.

– Если уж тебе втемяшилось непременно отыскать страждущих, то вот. – С этими словами она указала на калеку, у которого не было ног выше колена. Он расположился напротив кафе, чтобы уж наверняка внушить чувство вины туристам с переполненными желудками.

Марта не скрывала неудовольствия из-за того, что ее оторвали от лондонского дома: несмотря на то что она со своими густыми светлыми косами и сильными руками походила на обожающую сливки молочницу, прежде ей не доводилось выезжать восточнее Бишопсгейта. Здешние поля и дубовые рощи навевали на нее уныние и страх, а в выкрашенных в розовый цвет домах обитали, по ее мнению, полоумные. Изумление, которое Марта испытала от того, что в такой глуши, оказывается, подают кофе, равнялось лишь отвращению к горькой жиже, которую ей принесли; со всеми местными жителями она разговаривала преувеличенно ласково, как с неразумными детьми. И все же за те две недели, что они провели в Колчестере (Фрэнсиса забрали из школы – к молчаливому, но очевидному облегчению учителей), Марта почти полюбила этот городок за то, как он подействовал на ее подругу, которая, сбежав от недреманного ока Лондона, сбросила продиктованный чувством долга траур, а вместе с ним и десяток лет, оживилась и повеселела. Марта знала, что рано или поздно непременно поинтересуется у Кору, сколько времени та намерена провести в двух комнатах на Хай-стрит, предаваясь безделью, гуляя до упаду по окрестностям и сидя над книгами, пока же просто радовалась, видя Кору счастливой.

Кора подняла повыше зонт, который не защищал от дождя, а лишь направлял его слабые струи за воротники пальто обеих дам, и посмотрела, куда указывала Марта. Безногий укрылся от непогоды лучше, чем они, к тому же, судя по удовольствию, с каким он разглядывал содержимое своей перевернутой шляпы, насобирав за день немало. Он сидел на обломке стены, который Кора сперва приняла за каменную скамью. Длинной обломок был по меньшей мере три фута и два в ширину; слева от культей нищего виднелся обрывок надписи на латыни. Заметив, что с другой стороны улицы его рассматривают две дамы в хороших пальто, калека принял сокрушенный вид, который, впрочем, считал тривиальным и тут же сме-

нил на гримасу благородного страдальца: дескать, мне и самому отвратительно это ремесло, но никто и никогда не упрекнет меня в том, что я манкирую своими обязанностями. Кора, восхищавшаяся театром, вытащила руку из-под локтя Марты и, обогнув сзади проезжавший мимо омнибус, с серьезным видом подошла к нищему и встала рядом; неглубокий портик лишь отчасти укрывал ее от дождя.

– Добрый день. – Кора достала кошелек.

Нищий возвел глаза к облакам, где в эту самую минуту образовалась прогалина, сквозь которую выглянуло ослепительно синее небо, и ответил:

– Вовсе нет. Но еще может распогодиться – ваша правда.

Мимолетные лучи солнца осветили строение за спиной нищего, и Кора заметила, что оно словно разворочено взрывом. Слева оно осталось таким, как задумал его архитектор, – здание в несколько этажей, некогда бывшее ратушей или особняком, – правая же часть откололась и ушла на несколько футов в землю. Вал из досок и столбов не давал стене рухнуть на тротуар, но укрепление было непрочным: Коре показалось, что сквозь уличный гул она различает скрип и скрежет железа по камню. Марта встала рядом с ней, и Кора невольно взяла ее за руку, не зная, что делать – то ли отойти от дома, то ли подобрать юбки, приблизиться к руинам и все хорошенько рассмотреть. Азарт, побуждавший разбивать камни в поисках аммонитов, пока в воздухе не повиснет густой запах бездымного пороха, толкал ее вперед. Подняв глаза, Кора разглядела комнату с нетронутым камином; с разломанного пола, точно язык, свисал обрывок алого ковра. Еще выше, у лестницы, пророс молодой дубок, а оштукатуренный потолок покрылся бледным грибком, похожим на множество беспальных рук.

– Стойте! – испуганно воскликнул калека, скользнул по каменному сиденью и схватил Кору за полу пальто. – Что это вы удумали? Нет-нет, давайте-ка назад... еще чуть-чуть... вот теперь хорошо, вы в безопасности, и больше так не делайте, – произнес нищий властно, точно привратник, и Коре стало стыдно.

– Извините, я не хотела вас пугать. Мне показалось, там что-то пошевелилось.

– Ласточки, кто же еще, не стоит за них беспокоиться. – На минуту выйдя из роли, калека поправил шарф и представился: – Томас Тейлор, к вашим услугам. Вы, стало быть, впервые здесь?

– Мы приехали несколько дней назад. Мы с подругой, – Кора указала на Марту, которая неподвижно стояла чуть поодаль в тени зонта и с неодобрением взирала на происходящее, – пробудем здесь некоторое время, вот мне и захотелось с вами познакомиться.

Тут и Кора и нищий призадумались, есть ли в ее словах логика, не нашли ее и не стали придираться.

– Так вы, наверно, землетрясением интересуетесь, – предположил Тейлор, обведя рукой развалины за спиной. Сейчас он казался лектором, который напоследок сверяется с записями, и Кора, всегда готовая учиться, подтвердила его догадку.

– Не могли бы вы нас просветить? – попросила она. – Разумеется, если у вас есть время.

Землетрясение произошло (как рассказал им калека) восемь лет назад,⁹ ровно в девятнадцать минут девятого. Стояло ясное апрельское утро, какого не помнили даже старожилы, и впоследствии это сочли милостью Божьей, потому что благодаря хорошей погоде многие были на дворе. Земля вздыбилась, словно хотела стряхнуть с себя все городки и деревни Эссекса; секунд двадцать, не более, город сотрясали толчки, потом прекратились, как будто недра хотели перевести дух, после чего судороги возобновились. В море, в устьях рек Коулн и Блэкуотер, вспенились волны, обрушились на берег, разнесли в щепки на воде корабли. От церкви в Лангенхоке, где, по слухам, водились призраки, камня на камне не осталось, а деревни Уивенхоу и Эббертон обратились в руины. Подземные толчки почувствовали даже в

⁹ 22 апреля 1884 года.

Бельгии – там со столов слетали чайные чашки, – здесь же, в Эссексе, на мальчонку, которого оставили в колыбели на полу возле стола, упала ступа и пришибла его, спящего, а работник, чистивший циферблат часов на ратуше, свалился с лестницы и сломал руку. Жители Молдона подумали, что кто-то заложил динамит, чтобы взорвать город, и высыпали на улицы, крича от страха, а церковь в Вирли так и не восстановили, и теперь лисы – единственные ее прихожане, а вместо скамей – заросли крапивы. С садовых яблонь осыпались цветы, так что урожая в тот год не дождались.

Кажется, что-то такое припоминается, подумала Кора, какие-то газетные заголовки, в которых сквозило удивление: подумать только, в таком маленьком скромном графстве, как Эссекс, где и холмов-то почти нет, и вдруг подземные толчки и разрушения!

– Невероятно! – радостно воскликнула она. – Ведь у нас под ногами ископаемые палеозойской эры, как везде в этой части света! Вы только представьте: породы, образовавшиеся пятьсот миллионов лет назад, вдруг пошевелили плечами, так что сбили с церкви шпили!

– Никогда об этом не слышал. – Тейлор с Мартой переглянулись, и он кое-что понял. – Во всяком случае, Колчестер хорошенько потрянуло, как видите, хотя и обошлось без жертв. – Ткнув большим пальцем в разверстые руины, он добавил: – Если уж решили зайти, ступайте аккуратнее и высматривайте мои ножки, они остались где-то там, в развалинах, ярдах в пятнадцати отсюда.

Тейлор поддернул пустые штанины на култых, и Кора, всегда готовая пожалеть ближнего, наклонилась к калеке, положила руку ему на плечо и проговорила:

– Мне очень жаль, что мы напомнили вам о печальном, хоть вы, наверно, и не забывали, и об этом я тоже сожалею. – Она полезла за кошельком, гадая, как объяснить Тейлору, что это не подаяние, а плата за рассказ.

– Так я вам вот что скажу. – Тейлор милостиво принял у Кору монету. – Это еще не все! – И продолжал, сменив манеру с лекторской на балаганную: – Наверняка вы слышали про змея из Эссекса, который некогда наводил ужас на Хенхем и Уормингфорд и объявился снова?

Заинтригованная, Кора призналась, что ни о чем подобном не слышала.

– Ах вот как, – помрачнел Тейлор, – тогда даже и не знаю, стоит ли вас пугать, дамы ведь так впечатлительны.

Он окинул собеседницу пристальным взглядом и, видимо, заключил, что женщине в таком пальто никакие чудища не страшны.

– Что ж, тогда слушайте. Дело было в 1669 году, когда на троне сидел сын короля-изменника.¹⁰ Тогда и милую нельзя было пройти, чтобы не наткнуться на дощечку с предупреждением, прибитую к дубу или к столбу ворот. ДИКОВИННЫЕ ВЕСТИ, гласили они, о чудовищном змее с глазами овцы, который появляется из вод Эссекса и уползает в березовые рощи и на пастбища! – Тейлор до блеска натер монетку о рукав. – Те годы стали временем змея из Эссекса, чем бы он ни был – чудищем с жилами и чешуей, картиной на холсте, резной фигуркой из дерева или бреднями полоумных. Детям запрещали ходить на берег реки, а рыбаки жалели, что не избрали другого ремесла. Потом змей исчез так же внезапно, как появился, и почитай две сотни лет о нем не было ни слуху ни духу, пока не случилось землетрясение и что-то содрогнулось там, под толщей вод, что-то вырвалось на волю! Идет молва, будто бы это огромное пресмыкающееся, скорее дракон, чем змей, которому вольготно и на суше, и в воде, а в погожий день он выбирается погреть крылья на солнце. Первый, кто увидел это чудище неподалеку от деревни Пойнт-Клир, потерял рассудок, да так и не нашел: не далее как полгода тому назад помер в сумасшедшем доме, оставив дюжину рисунков углем из камина...

¹⁰ Карл II, сын казненного Кромвелем Карла I.

– Диковинные вести! – перебила Кора. – И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости...¹¹ Скажите, удалось ли хоть раз сфотографировать этого змея, не думали кто сообщить о нем в газету?

– Мне об этом ничего не известно. – Тейлор пожал плечами: – Да и признаться, я не очень-то верю слухам. Земляки мои на выдумки горазды, взять хотя бы ведьм из Челмсфорда или рассказы про Черного Пса, который, пресытившись жертвами из Саффолка, рыщет по Эссексу в поисках свежей человечины.

Тейлор внимательно посмотрел на собеседниц. Похоже, разговор с ними его вдруг утомил. Он спрятал монету и дважды хлопнул себя по карману:

– Ну что ж, на прокорм я сегодня заработал, даже сверх того, и скоро меня заберут ужинать. Да и вам, – он покосился на Марту, у которой от нетерпения зонт плясал в руках, – пожалуй, пора идти туда, куда вы собирались, только смотрите себе под ноги: как сказала бы моя дочь, никогда не знаешь, что там, в трещинах мостовой.

Он величественно взмахнул рукой, точно государственный деятель, отпускающий секретаря, и, заслышав разносившийся во влажном воздухе смех юной пары, отвернулся от Кору и принял профессиональный просительный вид.

– Только подумай: где-то там, – сказала Кора, вернувшись к Марте, – среди пыли и обломков камней, лежат его ботинки, а может, и кости перебитых ног...

– Все вздор, я не верю ни единому его слову. Шестой час, уже зажигаются фонари. Нам пора возвращаться к Фрэнки.

Им действительно нужно было идти: они оставили Фрэнки в постели, туго закутанного в одеяло, точно мумия, под присмотром хозяина гостиницы. Тот вырастил своих трех сыновей и был уверен, что у Кору не ребенок, а паинька, а от простуды нет ничего лучше горячего супа. Фрэнсис, изумленный встречей с человеком, который смотрел на него не только без малейшего подозрения, но и практически без интереса, не смог устоять перед грубоватой лаской, на какую его мать никогда не была способна. Марта с Корой своими глазами видели, как он подарил хозяину гостиницы одно из своих сокровищ (кусок железного колчедана – мальчик в душе надеялся, что его примут за золото) и взялся за рассказы о Шерлоке Холмсе. Кора сама не понимала, как можно переживать за сына – когда Фрэнсис болел, его блестящее личико казалось девчачьим и у матери сжималось сердце от жалости – и при этом испытывать облегчение, расставаясь с ним. В гостинице они ютились в двух комнатах, так что Кора поневоле наблюдала все его маленькие ритуалы и не могла не заметить, что и ее гнев, и ласку Фрэнсис встречает с одинаковым безразличием. На главной башне замка и под голыми ивами на берегу реки Коулн она наслаждалась каждой минутой свободы, и возвращаться в гостиницу ей отчаянно не хотелось. Марта, ухитрявшаяся высказать мысли Кору, прежде чем они успевали прийти ей в голову, заметила:

– Посмотри на себя: полы пальто волочатся по лужам, а волосы промокли насквозь. Давай-ка лучше найдем кафе и переждем дождь. – И кивнула на ломившуюся от пирожных витрину под навесом, с которого капала вода.

– Тем более что он, скорее всего, сейчас спит, – нерешительно подхватила Кора, – как думаешь? И очень злится, когда его будят...

Сговорившись, женщины пересекли мокрую мостовую, блестящую в лучах заката, и направились в кафе, как вдруг Кора услышала знакомый голос:

– Ба, да ведь это же миссис Сиборн!

– Неужели нас кто-то видел? – Кора с удивлением взглядела в уличный сумрак.

¹¹ Кора приблизительно цитирует фразу Гамлета (пер. М. Лозинского).

– Да кто тебя тут может знать? – Марта с досадой поправила ремень сумочки: ей совершенно не улыбалось общаться с очередными назойливыми знакомцами. – Мы же тут меньше недели – наверное, обознались.

– Глазам своим не верю! Кора Сиборн собственной персоной!

Кора вскрикнула от удовольствия, выскочила на тротуар и замахала рукой:

– Чарльз! Как я рада вас видеть! Идите же сюда!

Навстречу ей под такими большими зонтами, что те перекрыли всю улицу, шагали Чарльз и Кэтрин Эмброуз. Кора никак не ожидала встретить их здесь. Чарльз был коллегой Майкла Сиборна по Уайтхоллу, хотя Кора никогда не понимала, какую же именно роль он исполнял: казалось, Эмброуз обладал вдвое большим влиянием, нежели обычные политики, но ответственности при этом не нес никакой. Чарльз был частым гостем на Фоулис-стрит. Его яркие жилеты и ненасытный интерес к жизни скрывали проницательный ум, который большинство не замечало, Кора же разглядела с первой встречи, чем тотчас покорила Эмброуза. Как ни удивительно, он был всецело предан жене, которая была настолько же миниатюрна, насколько сам Чарльз огромен, и не чаяла в нем души. Оба были щедры, великодушны, отзывчивы, так что, когда супруги в один голос заявили, что ни один врач не поможет занедужившему Сиборну так, как Гаррет, отказаться было решительно невозможно.

Кора успокоительно обняла компаньонку за талию:

– Ты же знаешь, мне бы тоже хотелось, чтобы были только мы с тобой да книги. Но ведь это же Чарльз и Кэтрин Эмброуз, ты с ними знакома, они тебе даже нравились, – нет, правда! Чарльз! – Кора присела в глубоком шутливом реверансе, который мог бы даже показаться изящным, если бы выставившаяся из-под платья нога не была обута в заляпанный грязью мужской ботинок. – Вы ведь знакомы с Мартой?

Та выпрямилась во весь рост и холодно кивнула.

– Надо же, Кэтрин! – продолжала Кора. – Я думала, вы и не догадываетесь, что Англия не кончается за пределами Палмерс-Грин, вы, часом, не заблудились? Дать вам карту?

Чарльз Эмброуз с отвращением уставился на грязный ботинок, твидовое пальто, слишком широкое в плечах, и сильные руки с обгрызенными ногтями.

– Признаться, я рад нашей встрече, хотя прежде мне никогда не доводилось видеть никого, кто настолько походил бы на королеву варваров, готовую совершить набег. Стоит ли подражать иценам¹² лишь потому, что мы сейчас на их землях?

Кора, которая решительно отказалась от корсетов, причесывала волосы рукой и записывала под шляпу, а украшений не носила уже месяц, с того самого дня, как вытащила из ушей жемчужные серьги, ничуть не обиделась.

– О, я уверена, что и Боудикка постыдилась бы такого вида. Давайте выпьем кофе и подождем, пока распогодится! Мы-то вас ничуть не стесняемся. – Кора подхватила Кэтрин под руку, женщины подмигнули друг другу и проводили взглядом спину Чарльза в бархатном пальто: он величественно прошествовал в кафе.

– Как все-таки ваши дела? – Кэтрин остановилась на пороге, взяла Корино лицо в ладони, повернула к свету и внимательно оглядела ее высокие скулы и серо-голубые глаза.

Кора не ответила, боясь признаться, что постыдно счастлива. Ей было невдомек, что Кэтрин догадывалась, как Майкл Сиборн обходился с женой. Кэтрин все поняла по глазам Кору, привстала на цыпочки и поцеловала ее в висок. Стоявшая позади них Марта кашлянула; Кора обернулась к ней, наклонилась, взяла свой холщовый мешок и прошептала: «Всего полчаса, я обещаю...» И втолкнула свою спутницу в кафе.

– Кэтрин, так каким же ветром вас сюда занесло? Вы для меня – воплощение Кенсингтона и Уайтхолла. Вот уж не ожидала встретить вас во плоти за пределами Лондона!

¹² Ицены – кельтское племя в древней Британии.

Кора с удовольствием оглядела стол. Чарльз велел взиравшей на него с благоговением девушке в белом переднике принести по меньшей мере дюжину пирожных на ее вкус и к ним галлон чаю. Служанка явно предпочитала кокосовые: на столе появились миндальные бисквиты с кокосом, песочные коржики с кокосом и ромбовидные куски торта, политые малиновым вареньем и обваленные в кокосовой стружке. Кора, за утро прошагавшая несколько миль, мигом проложила себе путь к красовавшимся в самом центре мадленкам.

– Да, – подхватила Марта, намеренно подпустив в голос металл, – какими судьбами?

– Приехали погостить у друзей, – пояснила Кэтрин Эмброуз, повела плечами, сняла пальто и с удивлением огляделась по сторонам.

В кафе приятно пахло и стоял полумрак. Ниспадавшая им на колени зеленая скатерть с кистями, видимо, понравилась Кэтрин: она погладила ткань и сказала, пряча улыбку:

– А что тут еще делать? За покупками сюда не поедешь, во всей округе нет большого магазина. Интересно, где местные жители берут сыр и вино?

– Вероятно, в коровниках и на виноградниках. – Чарльз протянул жене тарелку, на которую положил маленькое пирожное в яркой глазури. Она сроду не ела сладкое, но мужу иногда нравилось ее поддразнить. – Мы пытаемся уговорить полковника Говарда на следующих выборах выдвинуть свою кандидатуру в парламент. Ему пора в отставку, и...

– ...и это прекрасные новости, – закончила Кора излюбленной фразой Чарльза.

Сидевшая рядом с ней Марта чуть напряглась, видимо, готовясь разразиться обличительной тирадой о здравоохранении или о необходимости жилищной реформы. (В холщовом мешке, спрятанная в синий бумажный пакет, лежала утопия некоего американского прозаика, в самых лестных выражениях живописавшего городские коммуны. Марта несколько недель ждала, пока роман удастся купить в Англии, и теперь ей не терпелось вернуться в гостиницу и взяться за книгу.) Кора уважала чуткую совесть подруги, но сейчас слишком устала, чтобы наблюдать ссору за чашкой чая. Она подложила Кэтрин мадленку, но та оттолкнула тарелку и подтянула к себе карту, которую Марта уже развернула на столе:

– Можно посмотреть? – Кэтрин листала путеводитель, пока не нашла черно-белую карту Колчестера с фотографиями и достопримечательностями. Музей замка Кора обвела кружком, а на шпиле церкви Святого Николая виднелось пятно от чая. – Да, – продолжала Кэтрин, – мы рассчитывали поговорить с полковником раньше прочих. Он не делает тайны из своих устремлений, но неизменно умалчивает, в каком направлении они простираются. Кажется, Чарльзу удалось его убедить, что на следующих выборах сменится правительство, и он утверждает, что мы все обязаны в это вложиться. Сил у нашего доброго друга, как у молодого, да и упрямыства ему не занимать, так что, кто знает, может, будет у нас самый старый премьер-министр в истории.

Ей не требовалось упоминать имя Гладстона: для Эмброузов он был кем-то вроде святого чудака и любимого родственника одновременно. Кора его видела лишь однажды, когда стояла, застыв, рядом с мужем, который впился острыми ногтями ей выше локтя, а Гладстон, чуть наклонясь, приветствовал вереницу гостей. Тогда и ее поразил острый ум, сверкавший в глазах под кустистыми бровями, которые не мешало бы подстричь. Гладстон поздоровался с Майклом Сиборном таким ледяным тоном, что Коре стало ясно: государственный деятель всем сердцем ненавидит ее мужа, и хотя саму Кору Гладстон приветствовал столь же холодно, она с тех пор всегда видела в нем союзника.

– Что, он по-прежнему шляется по девкам? – бросила Марта, словно задалась целью опозориться, но Чарльза ее слова ничуть не задели, он лишь ухмыльнулся поверх чашки с чаем.

– Ну да хватит о нас, – поспешно проговорила Кэтрин. – Так что же вы все-таки делаете в Колчестере? Если хотели отдохнуть на море, можно было поехать в наш дом в Кенте. Здесь же на целые мили только грязь да болота, от таких унылых видов и клоуна возьмет

тоска. Разве что вы решили прочесать гарнизон в поисках нового мужа, другого объяснения я подобрать не могу.

– Сейчас покажу. – Кора пододвинула к себе карту и не слишком-то чистым (отметила Кэтрин) пальцем прочертила линию к югу от Колчестера, к устью реки Блэкуотер. – В прошлом месяце двое прохожих чуть не угодили под оползень у подножия скал на острове Мерси. Они догадались взглянуть на обломки камней и нашли среди них остатки древних ископаемых – несколько зубов, ну и разумеется, обычные копролиты – и какое-то небольшое млекопитающее. Его отвезли в Британский музей, чтобы определить, что же это такое. Вдруг какой-нибудь новый вид!

Чарльз с опаской покосился на карту. Несмотря на всю свою либеральность и решительные усилия быть человеком светским, в душе он оставался сущим консерватором и не стал бы держать в кабинете работы Дарвина и Лайеля, опасаясь, как бы таящаяся в них зараза не распространилась на здоровые книги. Эмброуз не был особенно религиозен, однако полагал, что лишь общая вера под надзором благожелательного Бога не дает социальной ткани расплзтись, точно ветхой простыне. Мысль о том, что человек по природе своей вовсе необязательно благороден, а род людской не отмечен божественной благодатью, в предрасветный час лишала его сна, и, как и прочие трудные вопросы, он предпочитал ее игнорировать, пока она не исчезнет сама. Более того, он винил себя за то, что Кора увлеклась Мэри Эннинг: прежде она не выказывала ни малейшего интереса к геологии, ее вовсе не тянуло рыться среди камней и грязи – до тех пор, пока на званом обеде именно у Эмброузов Кора не очутилась за столом рядом со старичком, которому довелось однажды побеседовать с Эннинг. С тех пор старик хранил о ней светлую память, и, наслушавшись его рассказов о дочери плотника, которую едва не убило молнией, после чего Мэри, до той поры болезненный ребенок, поправилась и окрепла, о том, как в двенадцать лет она нашла первое ископаемое, о ее бедности, о том, как она умирала от рака, Кора тоже влюбилась в нее и несколько месяцев с того вечера говорила только о голубом лейасе и безоаровых камнях. И надеяться, что со временем это увлечение пройдет, устало думал Чарльз, мог лишь тот, кто совсем не знал Кору.

Он покосился на последнее миндальное пирожное и заметил:

– Оставим это специалистам. Все-таки сейчас не темные века, чтобы все зависело от чудачек с молотками и кистями. Существуют университеты, научные общества, стипендии и так далее.

– И что с того? Чем, по-вашему, я должна заниматься? Сидеть дома, составлять меню и ждать, пока привезут новую пару туфель? – Кора устремила на Эмброуза тяжелый взгляд. Разговор начинал ей досаждать.

– Нет, конечно! – воскликнул Чарльз, уловив раздражение в тоне Кору. – Зная вас, бессмысленно этого ожидать. Но вы могли бы уделить время и внимание тому, что важно *сейчас*, а не тратить их на останки животных, которые и при жизни ничего не значили, а уж после смерти и подавно! – В отчаянии он указал ей на Марту: – Неужели нельзя вступить в общество Марты – как бишь его – и помогать сиротам из Пекхэма или добиваться того, чтобы в Уайтчепеле провели канализацию? Или за что она там сейчас борется?

– Правда, Кора, неужели нельзя? – усмехнулась Марта, прекрасно зная, что ее политические взгляды вызывают у Чарльза такое же отвращение, как и грязные ботинки Кору. И с мольбой округлила голубые глаза.

– То есть как это «ничего не значили»? – Кора уже набрала в грудь воздуха, чтобы разразиться хорошо отрепетированной речью на излюбленную тему – о важности останков животных для науки, но Кэтрин прохладной белой рукой накрыла ее ладонь и спросила так, словно и не слышала, о чем говорили за столом последние несколько минут:

– Так вы хотите туда съездить и тоже найти какую-нибудь тварь?

– Хочу! И найду, вот увидите! Майкл никогда... – На этом имени она невольно запнулась и коснулась шрама на шее. – Он считал, что это пустая трата времени и лучше бы мне читать модный журнал, чтобы узнать, в юбке какого фасона следует идти в «Савой». – Кора с отвращением оттолкнула тарелку. – Теперь же я сама себе хозяйка, верно?

Она обвела глазами всех собравшихся за столом, и Кэтрин ответила:

– Милое дитя, ну конечно! Мы вами очень гордимся. Правда, Чарльз? (Эмброуз покорно кивнул.) И с удовольствием вам поможем: там живет одно наше знакомое семейство.

– Разве? – с сомнением произнес Чарльз. Единственным его другом в Колчестере был полковник Говард, человек холерического темперамента. Один вид Кору добьет измученного битвами ветерана.

– Чарльз! А Рэнсомы! Прелестные дети, ужасный дом и Стелла с ее георгинами!

Рэнсомы! При мысли о них Чарльз просиял. Уильям Рэнсом был братом либерального члена парламента, к которому Эмброузы благоволили. Надежд семьи Уильям не оправдал: с ранних лет решил посвятить свой недюжинный ум не юриспруденции или политике и даже, на худой конец, не медицине, а церкви. Но это еще полбеды. Вдобавок ко всему у него не было ни капли честолюбия, которое обычно сопутствует незаурядным способностям, и последние пятнадцать лет Уильям послушно окормлял немногочисленную паству в унылой деревушке неподалеку от устья реки Блэкуотер, женился на белокурой фее и души не чаял в своих детях. Чарльз и Кэтрин гостили у них как-то раз после неудачной поездки в Харидж и уехали в полном восторге от детей Рэнсомов. На прощанье Кэтрин вручили бумажный пакет с семенами, из которых должны были вырасти черные георгины.

– Такой чудесной семьи вы сроду не видели. – Кэтрин обернулась к Коре: – Преподобный Рэнсом и малютка Стелла, крошечная, как фея, только в два раза красивее. Они живут в Олдуинтере¹³ – местечко такое же скверное, как и название, но в ясную ночь оттуда виден Пойнт-Клир, а по утрам можно наблюдать, как отчаливают баркасы с Темзы, груженные устрицами и пшеницей. Если кто и покажет вам побережье, так это Рэнсомы, – не смотри на меня так, дорогая, ты прекрасно понимаешь, что не можешь бродить там с картой.

– Не забывайте, это чужие края, вам и разговорник не помешает. Калитки на пастбище называют «вертушками», участки земли – «клаптиками», а во время прилива под воду уходят целые акры земли, которые местные именуют «солончаками». – Чарльз слизнул сахар с указательного пальца и подумал, не взять ли еще пирожное. – Как-то раз Уилл провел меня по церковному кладбищу и показал могилы, которые местные называют «горбатыми». Сельчане верят, что у тех, кто умер от туберкулеза, земля проседает в гроб.

Кора с трудом подавила досаду. Подумать только, какой-то сельский пастор с бычьей шеей, у которого на уме лишь Кальвин да исправление заблудших, и его скупердяйка жена! Ничего хуже нельзя и придумать, и, судя по тому, как окаменела сидевшая рядом с ней Марта, Кора поняла, что та разделяет ее чувства. И все же было бы полезно пообщаться с кем-то из местных, кто знает географию Эссекса. Да и вовсе необязательно церковному служителю не разбираться в современной науке – к примеру, среди любимых книг Кору был труд неизвестного приходского священника из Эссекса о древности земли, автор которого вовсе не пытался вычислить дату сотворения на основе родословий Ветхого Завета.

– Наверно, Фрэнсису там понравится, – неуверенно проговорила Кора. – Знаете, я советовалась о нем с Люком Гарретом. Вовсе не потому, что с ним что-то не так!

Она вспыхнула, поскольку никого не стыдилась так, как сына. Кора прекрасно понимала, что все, кто знаком с Фрэнсисом, ощущают в его присутствии такую же неловкость, как она сама, и не находила себе оправдания: кто же, как не мать, виноват в его холодности

¹³ Олдуинтер – здесь: «дряхлая зима» (англ).

и странных увлечениях? Гаррет разговаривал с ней на удивление мягко и спокойно: «Патологии я тут не вижу, как и возможности поставить диагноз. Не изобрели еще анализа крови на эксцентричность и критериев объективной оценки вашей или его любви!» Впрочем, не исключено, что психоанализ пошел бы мальчику на пользу, хотя обычно детям его не назначают, поскольку сознание их еще не оформилось. Так что Коре оставалось лишь как можно тщательнее наблюдать за сыном, любить его и заботиться о нем, насколько он позволит.

Эмброузы переглянулись, и Кэтрин поспешно проговорила:

– Ну конечно, свежий воздух пойдет ему на пользу. Давайте Чарльз напишет преподобному и расскажет о вас. Отсюда до Олдуинтера не будет и пятнадцати миль – вы гуляете и того дальше! – так что, если захотите, заглянете к Рэнсомам в гости, Стелла напоит вас чаем.

– Я напишу Уильяму, дам ваш адрес – вы же остановились в «Георге»? – уверен, вы мгновенно подружитесь да вдобавок найдете там кучу этих ваших мерзких ископаемых.

– Мы остановились в «Красном льве», – уточнила Марта. – Кору подкупило название: она решила, что оно истинно английское, и была разочарована, не увидев в гостинице ни соломы на полу, ни козы, привязанной к стойке бара.

«Надо же, преподобный Рэнсом! – с насмешкой подумала Марта. – Как будто Коре может быть интересен тугодум священник и его толстощекие дети!» Но те, кто был добр к ее подруге, всегда вызывали у Марты симпатию, так что она положила последнее пирожное на тарелочку Чарльза и совершенно искренне проговорила:

– Я так рада нашей встрече. Быть может, вы еще вернетесь в Эссекс до нашего отъезда?

– Вполне возможно, – с видом благородного страдальца ответил Эмброуз. – Надеюсь, до той поры вы откроете и досконально изучите совершенно новый вид, который пополнит коллекцию во флигеле имени Кору Сиборн в музее здешнего замка.

Жестом дав понять жене, что им пора, Чарльз стал надевать пальто, но, едва просунув руку в рукав, воскликнул:

– Ах да! – И повернулся с улыбкой к Коре: – Как же мы могли забыть! Слышали вы о диковинном звере, который наводит ужас на здешний народец?

– Полно, Чарльз, не ехидничай, – рассмеялась Кэтрин, – мало ли что болтают. Один сказал, другой подхватил, и пошло-поехало.

– Вот вам и научная загадка, – не обращая внимания на жену, продолжал Эмброуз, натягивая пальто, – да снимите же вы эту жуткую шляпу и послушайте! Три сотни лет тому назад или около того в Хенхеме, в двадцати милях к северо-западу от Колчестера, объявился дракон. Спросите в библиотеке, они покажут вам брошюры, которые развешивали по всему городу, – рассказы очевидцев-поселян да изображение какого-то левиафана с кожаными крыльями и оскаленной пастью. Поговаривают, дракон частенько грелся на солнышке и щелкал клювом (клювом! Можете себе такое представить?). Никто не обращал на него внимания, пока какой-то мальчишка не сломал ногу. Вскоре дракон исчез, но слухи никуда не делись. С тех пор всякий раз, как приключался неурожай, солнечное затмение или нашествие жаб, обязательно кто-нибудь видел чудовище на берегу реки или где-нибудь на лужайке. И вот сейчас оно снова вернулось! – произнес Чарльз с торжествующим видом, будто лично породил этого дракона специально для Кору.

– Ну конечно, слышала, Чарльз! – сказала Кора, хотя ей даже было неловко его расстраивать. – Нам только что прочитали лекцию о землетрясении в Эссексе – правда, Марта? – которое сдвинуло что-то в глубине здешних вод. Меня так и подмывает отправиться туда с блокнотом и фотоаппаратом, чтобы увидеть все своими глазами!

Кэтрин утешила мужа поцелуем и спокойно произнесла:

– Мы узнали об этом из писем и рассказов Стеллы Рэнсом. В канун Нового года к солончаку неподалеку от Олдуинтера прибило труп мужчины со сломанной шеей. Скорее всего, напился и попал в течение, но вся деревня переполошилась. Выставили на берегу

дозор, и якобы кому-то удалось заметить, как глухой ночью чудище плыло по реке и глаза у него горели жадной крови. Ну надо же, Чарльз, ты был прав: тебе когда-нибудь приходилось наблюдать такой восторг?

Кора, как ребенок, заерзала на стуле и принялась теревить прядь волос.

– Мэри Эннинг тоже видела морского дракона, много лет назад! Раз в полгода обязательно выходит какая-нибудь статья о том, что вымершие животные на самом деле до сих пор существуют, и указывают места, где они могут обитать. Что если нам удастся отыскать их в таком унылом захолустье, как Эссекс? Подумать только! Ведь это доказывает, что нашему миру миллионы лет и мы обязаны всем естественному развитию, а не божеству...

– Как знать, как знать, – перебил Чарльз, – но вам там, несомненно, понравится. Будете в Олдуинтере, обязательно попросите Рэнсомов показать вам их личного дракона. У них в церкви подлокотник одной из скамей обвивает крылатый змей, хотя, после того как селяне принялись выставлять дозоры, преподобный клянется сбить змея стамеской.

– Решено, – сказала Кора, – напишите им поскорее. Ради морского дракона мы вытерпим общество сотен приходских священников, правда, Марта?

Женщины оставили Чарльза оплачивать счет (к которому он для очистки совести прибавил щедрые чаевые) и вышли на улицу. Дождь стих, и в лучах закатного солнца церковь Святого Николая отбрасывала на тротуар косую тень. Кэтрин указала на широкий белый фасад гостиницы:

– Я сейчас же пойду наверх, найду лист почтовой бумаги и предупрежу Рэнсомов, что вы нарушите их покой вашими столичными идеями и безобразным пальто. – Она потянула Кору за рукав и спросила у Марты: – Неужели вы не можете на нее повлиять?

Кора вырядилась оборванкой не в последнюю очередь и затем, чтобы провоцировать возмущение друзей. Она подняла воротник от ветра, сдвинула шляпу набекрень, точно мальчишка, и засунула большие пальцы за пояс:

– Прелесть вдовства в том, что больше не надо казаться женщиной, – но вот и Чарльз, и, судя по его взгляду, ему не помешало бы пропустить стаканчик. Спасибо вам, мои дорогие. – Кора расцеловала обоих Эмброузов и на прощанье чересчур сильно пожала Кэтрин руку. Ей хотелось бы все объяснить, признаться, что годы брака настолько убили в ней надежду на счастье, что возможность просто сидеть с чашкой чая в руках и не думать о том, что ждет ее в доме на Фоулис-стрит, казалась почти чудом. Но она просто поспешила к «Красному льву», гадая, Фрэнсиса ли заметила в окне и обрадуется ли он ее приходу.

Чарльз Эмброуз
Клуб «Гаррик»
Лондон
20 февраля

Дорогой Уилл,

Надеюсь, все Ваше семейство в добром здравии и в скором времени мы с вами увидимся. Кэтрин просила передать Стелле, что георгины цветут вовсю, но оказались не черными, а синими – может, дело в почве?

Хочу рекомендовать Вам нашу добрую подругу, она будет очень рада познакомиться с Вами и Стеллой. Это вдова скончавшегося в январе Майкла Сиборна (Вы были столь любезны, что молились о его выздоровлении, но Всевышний судил иначе).

С миссис Сиборн мы знакомы много лет. Это необыкновенная женщина, выдающегося – я бы даже сказал, мужского – ума: она в некотором смысле натуралист (Кэтрин уверяет меня, что у светских дам

теперь такая мода). Впрочем, вреда от ее увлечения никакого, к тому же оно утешает ее после перенесенных страданий.

Недавно она с сыном и компаньонкой приехала в Эссекс, чтобы изучать тамошнее побережье, – кажется, ее интересуют ископаемые останки птиц в Уолтоне-на-Нейзе. Они остановились в Колчестере. Я, разумеется, рассказал ей легенду о змее и слухи о том, что он вернулся, а также о любопытной резьбе в церкви Всех Святых. Миссис Сиборн была очень заинтригована и решила наведаться в ваши края.

Если Кора навестит Олдуинтер (а насколько я ее знаю, она уже наверняка готовится к путешествию!), не могли бы вы со Стеллой ее принять? Она разрешила мне дать ее нынешний адрес, каковой прилагаю вместе с нашими добрыми пожеланиями, и остаюсь Ваш покорный слуга Чарльз Генри Эмброуз.

3

Преподобный Уильям Рэнсом, настоятель Олдуинтерского прихода, спрятал письмо в конверт и в задумчивости поставил его на подоконник. Мысль о Чарльзе Эмброузе неизменно вызывала у него улыбку: очень уж тот любил заводить друзей, часто (хотя, разумеется, не всегда) из искренней симпатии. Неудивительно, что он проявил такое участие к вдове. И все же, несмотря на улыбку, письмо смутило Рэнсома. Не то чтобы он был не рад новым гостям, тем не менее одна или две фразы (*светские дамы... мужской ум...*) не могли не вызвать беспокойство у ревностного служителя церкви. Преподобный Рэнсом представил себе Кору Сиборн так ясно, словно в конверте лежала ее фотография: одинокая стареющая вдова, закутанная в тафту, от нечего делать интересующаяся новыми науками. Сын ее наверняка закончил Оксфорд или Кембридж, откуда привез с собою в Колчестер какой-нибудь тайный порок, который либо покорит весь город, либо закроет перед юношей двери цивилизованного общества. Вдова, должно быть, питается вареным картофелем с уксусом, надеясь, что Байронова диета пойдет на пользу ее фигуре, и испытывает склонность к англикатолической церкви, так что отсутствие в алтаре храма Всех Святых богато украшенного креста уж конечно вызовет ее осуждение. Не прошло и пяти минут, а преподобный уже вообразил себе даму во всей красе – с несносной собачкой на коленях и сухопарой косоглазой компаньонкой, которая лебезит перед хозяйкой.

Утешало преподобного лишь одно: Олдуинтер (постоялый двор, два магазинчика) выглядел до того уныло, что невозможно было представить, чтобы светская дама, пусть даже скучающая любопытная вдова, решилась его посетить. Каждую весну горстка рьяных натуралистов приезжала в эти края, намереваясь описать малочисленных морских птиц, чей путь пролегал через солончаковые болота, но даже эти пернатые оказывались самыми что ни на есть заурядными, грязное их оперение настолько сливалось с пейзажем, что зачастую самих птиц-то было и не разглядеть. И хотя здешние поля считались едва ли не самыми обширными во всем Эссексе, вряд ли это заинтересовало бы даже местных жителей. Помимо церковных диковинок – которые, по правде говоря, приводили в легкое замешательство каждого нового священника, – единственной достопримечательностью в радиусе пяти миль был почерневший остов клипера, каковой можно было увидеть во время отлива в устье Блэкуотера. Каждый год во время сбора урожая деревенские дети украшали его, точно для языческого ритуала, за что преподобный их всякий раз распекал. Линия железной дороги заканчивалась в семи милях к западу от Олдуинтера, так что крестьяне по-прежнему возили на баржах овес и ячмень до мельницы в Сент-Осайт, а оттуда в Лондон на продажу. Но кое-что, пожалуй, можно было бы отнести к достоинствам Олдуинтера. Хотя он не отличался ни богатством, ни

красотой, но зато и не был беден. Жители Эссекса не привыкли склонять голову под ударами изменчивой судьбы и прозябать в нищете, так что, когда на смену Джону Ячменное Зерно пришел дешевый импорт, один или двое здешних земледельцев переключились на тмин и кориандр, а еще купили вскладчину молотилку, которая не только на удивление повысила производительность, но и придала деревне праздничность. Местные детишки собирались поглазеть на выпускавшую клубы пара махину, послушать, как она грохочет.

Уилл почувствовал раздражение и, подавив порыв швырнуть конверт в огонь, спрятал его за рисунок, который ему в то утро подарил младший сын, Джон. На картинке было изображено существо, похожее на аллигатора с крыльями, но с тем же успехом это могла оказаться и гигантская гусеница, пожирающая мотылька. Мама Джона считала рисунок очередным шедевром юного гения, но Уилл не разделял ее восторга: он помнил, как в детстве изрисовывал блокноты такими сложными двигателями и приборами, что уже на следующей странице начисто забывал их назначение, и какой из этого вышел толк?

Настроение Уилла омрачал не только приезд вдовы (которая к тому же могла оказаться совершенно безобидной): в последнее время над приходом сгустились тучи. Он вгляделся в рисунок сына и решил, что там изображен крылатый морской дракон, который подбирается к деревне. С тех самых пор, как утром первого января на болотах у реки Блэкуотер нашли утопленника – голого, со свернутой шеей, с открытыми глазами, в которых застыл ужас, – легендарный змей из способа держать детей в узде превратился в чудовище, которое рыщет по округе. Пьяницы, в пятницу вечером собиравшиеся в «Белом зайце», клялись, что видели дракона, а игравшие на солончаках дети возвращались домой засветло без понуканий, и сколько бы Уилл ни уговаривал прихожан, ему так и не удалось убедить их, что утопленник стал жертвой спиртного и течения.

Чтобы встряхнуться, преподобный решил обойти приход – навестить по дороге кое-кого из паствы и, если понадобится, развеять слухи о морском драконе. Он взял шляпу и пальто. За дверью кабинета слышался шепот (детям вход был запрещен, но они все равно норовили потеребить ручку двери), Уилл рявкнул, что на две недели посадит всех на хлеб и воду, и по привычке вылез в окно.

Олдуинтер в тот день оправдывал название: твердую землю покрывал иней, и черные дубы царапали блеклое небо. Уилл сунул руки в карманы и двинулся в путь. Оставшийся у него за спиной дом из красного кирпича был новым в тот день, когда преподобный переступил его порог; Стелла, помнится, медленно ковыляла по мощенной плитками дорожке, обняв округлившийся живот, а замыкала шествие Джоанна с невидимым зверьком на веревке (кто он, родители так никогда и не узнали). Эркеры на первом и втором этаже казались плоскими башенками по обе стороны от входной двери, в чье арочное окно с цветным стеклом каждый день в урочный час било солнце. Самый высокий дом на единственной улице, которая шла через всю деревню на юг от Колчестера и оканчивалась у маленького причала, где ныне стоял на приколе одинокий баркас, выглядел ярко и строго, облик его совершенно не вязался с остальной деревней. Рэнсом не находил в своем жилище других достоинств, кроме уединенного расположения да обширного сада, где часами пропадали дети, но прекрасно понимал, что ему повезло: по меньшей мере один из его знакомых священников ютился в доме, который словно медленно уходил под землю, а в столовой на потолке по углам росли грибы величиной с ладонь.

Уилл вышел на улицу, которую называли Высокой за то, что она была чуть выше уровня моря, и свернул влево, к пустоши. Овцы щипали траву под олдуинтерским дубом – говорят, когда-то под ним отдыхали войска, присягнувшие изменнику Карлу. Дерево было черное, точно обугленное, нижние ветви, прогнувшись под собственной тяжестью, вошли в землю и вышли чуть дальше, так что весной казалось, будто дуб окружен порослью. На выгнутых вниз ветвях летом сиживали влюбленные парочки, а сейчас на ветке, расправив юбки, при-

строилась какая-то женщина и бросала птицам хлебные крошки. За дубом, отгороженная от дороги мшистой стеной, виднелась церковь Всех Святых с невысокой колокольной. Уилла привычно потянуло зайти в храм, посидеть на холодной голой скамье, успокоиться, но там, в полумраке, кто-то из прихожан мог ждать его благословения или порицания. С тех самых пор, как в Эссексе объявился змей (Рэнсом называл его «напастью»: не хотел давать слуху имя), прихожане стали чаще к нему обращаться, и длилось это уже целый год. Сельчанам казалось, хотя Уиллу об этом никто прямо не говорил, что над ними нависла кара Господня, несомненно заслуженная, и спасти от наказания их может только преподобный. Но разве мог он их утешить, не подтвердив тем самым страха? Разумеется, нет, как не мог сказать Джону, который частенько просыпался по ночам: «В полночь мы с тобой вместе пойдем и убьем чудовище, которое прячется у тебя под кроватью». То, что построено на лжи, пусть даже во спасение, разрушится при первом же столкновении с реальностью. А время проповедей и бесед настанет завтра, когда солнце озарит день воскресный; сейчас же преподобному так остро хотелось взглянуть на солончаки, вдохнуть свежего воздуха, что он едва не бежал.

Мимо «Белого зайца» («Мой дорогой Мэнсфилд, вы же знаете, священнику сюда путь заказан!»), мимо опрятных домиков с цикламенами на подоконниках («Спасибо, она здорова, слава Богу, грипп прошел...»), туда, где Высокая улица спускается к причалу. Хотя, конечно, причалом это не назовешь – так, мосточки над Блэкуотером, которые держались на камнях и были до того хлипкими, что хватало их всего лишь на сезон, и каждую весну их латали всем, что попадалось под руку. На мостках, скрестив ноги, сидел Генри Бэнкс и штопал паруса; руки у него так побелели от холода, что казались одного цвета с холстиной. Бэнкс сновал туда-сюда по устью Блэкуотера и, помимо мешков с ячменем и кукурузой, перевозил сплетни: кто где был, кто что делал. Заметив Уилла, он кивнул и сказал:

– Так ее никто и не видел, ваше преподобие. Нигде ее нет. – И печально отхлебнул из фляжки.

Несколько месяцев назад Бэнкс потерял лодку, а страховку ему платить отказались, сославшись на то, что он сам виноват: наверняка напился и забыл ее привязать. Отказ оскорбил Бэнкса до глубины души. С тех пор всем, кто соглашался его выслушать, он рассказывал, что лодку увели у него ночью торговцы устрицами с острова Мерси, а он человек честный. Вот была бы Грейси жива, она бы подтвердила, упокой Господь ее душу.

– Правда? Очень жаль, – искренне огорчился Уилл. – Нет ничего тяжелее несправедливости. Я буду посматривать.

Рэнсом отказался глотнуть рома, с сожалением указав на свой воротничок, и продолжил путь – мимо причала, оставляя реку справа, туда, где на невысоком косогоре росли голые ясени, похожие на воткнутые в землю серые перья. За ясениями стоял последний дом в Олдуинтере, который, сколько помнил преподобный, все звали Краем Света. Кривые стены его поросли мхом и лишайником, а с годами к дому пристроили столько навесов и флигелей, что он постепенно раздался вдвое и казался живым существом, которое щиплет траву. Участок земли вокруг дома с трех сторон окружала изгородь, четвертая же выходила на травянистые солончаки. Дальше тянулась бледная полоска грязи, изрезанная ручейками, которые блестели в тусклом свете солнца.

Уилл поравнялся с домом и только тут заметил его единственного обитателя: тот настолько слился со стеной, что появился словно по волшебству. Казалось, мистер Крэкнелл сделан из того же материала, что и его дом: пальто хозяина было зеленым, как мох, и таким же сырым, а борода красноватой, как упавшая с крыши черепица. В правой руке Крэкнелл держал серенькую тушку крота, а в левой – сложенный нож.

– Осторожнее, ваше преподобие, не подходите ближе, а то как бы пальто не испачкали.

Уилл послушался, заметив, что вдоль изгороди развешена дюжина или более освеженных кротов. Шкурки, точно тени, свисали у них с задних лапок, бледные передние лапки, похожие на детские ручки, тянулись к земле. Уилл оглядел ближайший трупик:

– Богатая добыча. По пенни за штуку?

Преподобный ничуть не сомневался в том, что Господь создал человека владыкой над тварями земными, и все-таки от души жалел бедных зверьков в бархатных шубках. Ему хотелось бы, чтобы война крестьян с кротами обошлась без кровопролития.

– Точно так, по пенни за штуку. Ох и трудное же это дело! – Крэкнелл положил трупик на землю и проворно перерезал петлю на передних и задних лапках.

– Столько лет живу в Олдуинтере и не перестаю удивляться вашим обычаям. Неужели, чтобы кроты не поели посевы, нельзя отпугнуть их как-то иначе, не трупами убитых собратьев?

Крэкнелл нахмурился:

– Я же это не понапрасну, ваше преподобие. Есть у меня задумка! – Крэкнелл удовлетворенно просунул палец между шкуркой и мясом убитого крота, чтобы проверить, насколько легко их отделить друг от друга. – Мне ли не знать, что некоторые обо мне болтают, будто я прост как пятак, – хоть я пятаков давненько не видал, я и тому рад, если пенни перепадет. – Тут он примолк и откровенно уставился на карманы Уилла, после чего продолжал: – И вот слугитель Господень спрашивает, что я задумал?

– Я сразу догадался, – серьезно произнес Уилл. – Как будто сердце подсказало.

Кожа отстала от мяса так легко, словно Крэкнелл разорвал лист бумаги. Он поднял освеженного крота повыше и, довольный, полюбовался делом своих рук; в холодном воздухе над тушкой вилась струйка пара.

– Да, отпугнуть. – Крэкнелл помрачнел, отрезал кусок проволоки, продел его в розовый кротовый нос, из ноздри в ноздрию, и трижды обмотал вокруг столба. – Отпугнуть, говорите! Так ведь еще неизвестно, кого именно я хочу отпугнуть, – а может, никто об этом и не узнает, пока не раздастся вопль и горькое рыдание, и будем мы плакать по детям своим, ибо нет их, и не захотим утешиться...¹⁴

Рука его, сжимавшая проволоку, затряслась, и Уилл в смятении заметил, что и нижняя губа у Крэкнелла дрожит. Первым его порывом, продиктованным столько же выучкой, сколько сердцем, было подать страждущему утешение, но это желание тут же сменилось раздражением. Значит, старик тоже поддался обману зрения, в который поверила вся деревня! Преподобный вспомнил, как его дочь прибежала домой в слезах от испуга: мол, к ним по реке кто-то подкрадывался; вспомнил и записки, которые прихожане просовывали в ящик для пожертвований: священника просили молиться об искуплении грехов, навлекших на деревню Божью кару.

– Мистер Крэкнелл, – отрывисто проговорил Рэнсом и продолжил не без иронии, пусть старик поймет, что бояться нечего, кроме долгой зимы и запаздывающей весны: – Мистер Крэкнелл, я, может, в епископы не гожусь, но всегда узнаю искаженную цитату из Писания. Детям нашим не грозит никакая опасность! Где ваш рассудок? Куда вы его подевали?

Тут преподобный вытянул руки и сделал вид, будто хлопает старика по карманам.

– Не хотите же вы сказать, что развесили здесь этих несчастных зверюшек, чтобы отпугнуть какое-то... какого-то мифического морского змея, который якобы обитает в Блэкуотере!

Крэкнелл польщенно улыбнулся:

– Любезно с вашей стороны вызывать к моему рассудку, ваше преподобие, тем паче что вся деревня считает, будто у меня его сроду не было. – Старик любовно шлепнул освеже-

¹⁴ Крэкнелл вольно цитирует фрагмент из Библии (Иер. 31:15, то же: Мф. 2:18).

ванного крота по спинке. – И все ж таки я говорил и говорю: предосторожность никогда не помешает. Если же кто из людей или зверей вздумает сунуться на Край Света, мои маленькие пугала его остановят.

Он ткнул большим пальцем за спину, на зады дома, где прилежно щипали траву две привязанные козы:

– Тут у меня, извольте видеть, Гог и Магог для компании, к тому же они дают молоко и сыр, которые так нравятся любезной миссис Рэнсом, и я не могу рисковать их жизнью! Ну уж нет! Я не хочу остаться один! – Голос его снова дрогнул, но на этот раз Уилл понял причину. Трижды за три года он стоял рядом с Крэкнеллом над могилами – сперва жена, потом сестра, а за нею сын.

Преподобный сжал плечо старика:

– Вам и не придется: у вас свое стадо, у меня свое, и оба опекает один и тот же Пастырь.

– Спасибо на добром слове, ваше преподобие, а в церкву к вам я все равно не приду. Уж я так решил: раз Всевышний прибрал миссис Крэкнелл, я к нему больше не ходок, помяните мои слова, я от них ни за что на свете не отступлюсь.

На лице старика появилось упрямое выражение, как у непослушного ребенка, и все же это было настолько лучше слез, что Уилл, еле удержавшись от смеха, ответил серьезно, вполне отдавая себе отчет, чего стоит договор с Господом:

– Что ж, раз вы так решили, я не вправе вас переубеждать. Вы человек слова.

На солончаках за домом прибывала вода; закатное солнце не грело. За болотом в Олдуинтере, в отличие от деревень на другом берегу Блэкуотера, глазам открывался простор до самого горизонта, где Блэкуотер впадал в Северное море. Уилл заметил огни рыбацкой лодки, направлявшейся домой, и подумал о Стелле – к вечеру она уставала, управляясь с детьми. Вот она отдергивает занавеску, вглядывается в сторону Дуба изменника и смотрит, как возвращается муж. Преподобному так остро захотелось увидеть жену, услышать, как дети возьмется за дверь кабинета, что он едва не возненавидел вросшую в землю мшистую лачугу, но вспомнил, как Крэкнелл бросал горсть земли на сосновый гробик, и помедлил у ворот.

– Обождите-ка, ваше преподобие, – сказал Крэкнелл, – я вам кое-что дам.

Он слился со стеной дома, спустя мгновение вернулся с парой симпатичных востроглазых кроликов, которых недавно поймал, и сунул их Уиллу:

– Передайте миссис Рэнсом мои наилучшие пожелания, ей сейчас нужны силы, возраст у нее самый такой, только детишек рожать, а миссис Крэкнелл всегда говорила, что от этого кровь становится жиже.

Старик сиял от удовольствия, сделав Уиллу подарок. Тот принял его с достоинством и, чувствуя, как сжалось горло, поблагодарил: из кроликов получится отличный пирог, кстати, Джонни его обожает. Потом, чтобы сделать приятное Крэкнеллу, повесил зверьков к себе на пояс, как заправский крестьянин, и попросил:

– Расскажите мне, что вы видели, мистер Крэкнелл, потому что я уже сам не знаю, кому и чему верить. Один бедолага утонул в реке, но ведь зимой это не редкость. Ходили слухи, будто бы задрали овцу, но лисам тоже нужно что-то есть, а девочка, которая якобы потерялась вечером, утром нашлась в кладовке, где втихомолку ела мамины конфеты. Бэнкс привозит на своем баркасе странные вести из Сент-Осайта и Молдона, но мы же с вами оба знаем, что он все врет. На постоялом дворе судачат, будто бы в Пойнт-Клире из лодки украли ребенка, но кто же додумается взять малыша с собой в море, когда дни такие короткие и холодные? Скажите мне, что вы своими глазами видели то, чего нужно бояться, и тогда я, может, поверю.

Преподобный пристально посмотрел старику в глаза, но тот отвел взгляд и уставился поверх его плеча в пустое пространство.

Рэнсом знал цену молчанию, поэтому не говорил ни слова, и чуть погодя Крэкнелл вздохнул, пожал плечами, потерял нож и ответил:

– Дело ведь не в том, что я вижу, а в том, что чувствую. Эфир же я не вижу, но чувствую, как он входит и выходит из легких, и не могу без него обходиться. Я чувствую: рано или поздно что-то будет, попомните мои слова. Вам прекрасно известно, что так уже было и будет впредь, не на моем веку, так на вашем, или ваших детишек, или их потомков, так что я препояшу чресла, и – простите мою дерзость, ваше преподобие, – лучше бы вам тоже подготовиться.

Уилл вспомнил вырезанного на церковной скамье персонажа старинной легенды и пожалел (уже не в первый раз), что в день, когда принял приход, не взял молоток и стамеску и не уничтожил резьбу.

– Я всегда на вас рассчитывал, мистер Крэкнелл, и впредь возлагаю на вас большие надежды; можете даже считать себя стражем Олдуинтера здесь, на краю света», и в знак предупреждения зажигать в саду огонь. Да призрит на вас Господь светлым лицом Своим,¹⁵ хотите вы того или нет! – произнес Уилл и, благословив старика, отправился домой, рассчитывая чуть-чуть обогнать надвигающуюся ночь и успеть домой как раз до темноты.

Пугала Крэкнелла и его очевидный страх тревожили преподобного не потому, что он поверил, будто на дне Блэкуотера притаилось диковинное чудовище и ждет своего часа, но потому, что он чувствовал себя ответственным: его паства поддалась греховному суеверию. Все спорили о том, какого змей размера, вида и откуда взялся, но не сомневались, что он облюбовал реку и появляется на заре. Не было ни единого доказательства, что змей нападает на поселян, но с самого конца лета его винили во всех бедах, стоило заблудиться чьему-то ребенку или взрослому сломать руку либо ногу. До преподобного как-то раз дошел слух, будто из-за мочи дракона испортилась водяная колонка в Феттлуэлле и трое там даже отравились и умерли еще в канун Нового года. Стелла не раз мягко предлагала ему заявить обо всем с кафедры, но он наотрез отказывался признавать «напасть», даже после того как заметил, что по воскресеньям прихожане, не сговариваясь, единодушно отказываются садиться на скамью, где вырезан змей, словно опасаются, что тогда их страх обретет плоть и кровь.

Сумерки сгущались, и преподобный прибавил шаг, только раз оглянувшись на щербатый белый лик восходящей луны. Крепчающий в камышах ветер выл до того заунывно и монотонно, что Уилл почувствовал, как сердце затрепыхалось, точно от страха, и рассмеялся: вот вам пожалуйста, как легко испугаться неведомого. Впереди замаячили огни Олдуинтера. Там ждали его дети – теплые, крепкие, пахнущие мылом, светлокотые, как он сам мальчишкой, целиком и полностью настоящие, упрямо заявляющие о себе, шумливые непоседы. При мысли об этом преподобного охватила такая радость, что он негромко вскрикнул (а может, хотел предупредить или напугать бродячих собак, буде встретятся на пути?) и оставшиеся полмили до дома бежал бегом. Джон уже поджидал его, в белой ночной рубашке стоя на одной ноге на столбе ворот. Завидев Уилла, малыш крикнул: «Пальцы чешутся. К чему бы?»¹⁶ – и уткнулся лицом в отцово пальто. Почувствовав, как его шею коснулась кроличья шерсть, Джон радостно воскликнул:

– Ура! Ты сдержал слово, ты принес мне друга!

*Кора Сиборн
Гостиница «Красный лев»
Колчестер
14 февраля*

¹⁵ Числа 6:25.

¹⁶ Цитата из «Макбета» (акт IV, сцена I): слова ведьмы, которая чувствует приход Макбета (пер. Б. Пастернака).

Мой дорогой Чертенок!

Как Вы поживаете? Тепло ли одеваетесь? Хорошо ли питаетесь? Как Ваши порез, зажил? Любопытно было бы на него посмотреть. Очень он был глубокий? Пусть будет остер Ваш скальпель, а ум еще острее. Как же я по Вам скучаю!

У нас все благополучно, Марта шлет Вам привет, – впрочем, Вы все равно в это не поверите, правда? Фрэнсис не шлет ничего, но, думаю, был бы не прочь снова увидеть Вас, если бы Вы согласились приехать в это захолустье; большего никто из нас от него не дожидается – так вы приедете? Правда, здесь холодно, однако морской воздух хорош, да и в Эссексе вовсе не так скверно, как говорят.

Я побывала в Уолтоне-на-Нейзе и в Сент-Осайте, но морского дракона так и не нашла – и даже захудалой морской лилии! – но Вы же меня знаете, я просто так не сдамся. Владелец здешней скобяной лавки решил, что я сошла с ума, и продал мне два новых молотка и такой замшевый пояс, чтобы их носить. Марта ворчит, что я хожу чумичкой, уродиной, но Вы же знаете, я всегда считала красоту проклятьем и безумно рада, что отделалась от необходимости выглядеть привлекательно. Я порой даже забываю, что я женщина, – точнее, не думаю о себе как о женщине. Мне кажется, что все радости и обязанности, которые сулит женский пол, большие не имеют ко мне никакого отношения. Я не знаю, как должна себя вести, да если бы и знала, едва ли стала бы трудиться.

Кстати, о светской публике: ни за что не угадаете, кого мы встретили на Хай-стрит, пока искали приличное местечко, чтобы переждать дождь. Чарльза Эмброуза! В своем бархатном пальто он выглядел что твой попугай в стае голубей. Чарльз настаивает, что мне необходимо завести в Эссексе знакомства, чтобы я по незнанию не переломала себе ноги где-нибудь в полосе прилива (или даже чего похуже). Сообщил нам, что в Блэкуотере якобы обитает чудовище, но об этом я Вам расскажу при встрече. Чарльз грозился познакомить меня с каким-то сельским священником, и хотя меня, признаться, так и подмывает воспользоваться его предложением – исключительно ради удовольствия эпатировать этого бедолагу, знакомого Эмброуза, – но все-таки я бы предпочла, чтобы меня оставили в покое. ПРИЕЗЖАЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, МИЛЫЙ ЧЕРТЕНОК! Я так по Вам скучаю. Без Вас мне худо и почему это я должна оставаться без Вас?

С любовью,

Кора.

*Д-р Люк Гаррет
Пентонвилль-роуд
N1
15 февраля*

КОРА,

Рука уже лучше, спасибо. Инфекция оказалась полезной: опробовал новые чашки Петри и вывел кое-какие бактериальные культуры. Вам бы точно понравилось. Они получились синие и зеленые.

Мы со Спенсером, скорее всего, приедем на той неделе. Так что увидимся. Если можете, прогоните дожди.
ЛЮК.

Р. С. Формально это была «валентинка». Не отпирайтесь.

4

Кора шагала под легким дождем в пяти милях к востоку от Колчестера. Она понятия не имела, куда идет и как вернется домой, ей лишь хотелось выбраться из мерзлой комнаты «Красного льва». Фрэнсис разрезал подушку, чтобы достать и пересчитать перья, и ни Коре, ни Марте не удалось объяснить ему, почему так делать нельзя («Ну и что, вы же можете за нее заплатить, и тогда она будет моей»). Чтобы избавиться от его неумолчного бормотания, – когда она закрывала за собой дверь, вслед ей летело «сто семьдесят три», – Кора подпоясала пальто и сбежала по лестнице. Марта услышала крик: «Буду засветло, деньги взяла, меня кто-нибудь подвезет» – и со вздохом вернулась к мальчику.

Через полчаса Колчестер скрылся из виду, и Кора направилась на восток, практически уговорив себя, что сумеет дойти до устья Блэкуотера и не устать. Встретившуюся на пути деревню она обошла стороной: не хотелось никого видеть, ни с кем говорить. Кора выбирала поросшие травой проселки на опушках дубовых рощ, навстречу ей почти никто не попадался, лишь изредка медленно проедет телега. Никто не обращал внимания на женщину, шагавшую по обочине. Когда начался дождь, Кора углубилась в рощу и подняла глаза к унылому, однообразно серому небу – ни бегущего облачка, ни синей прогалины, а солнца и вовсе не видать. Словно неисписанный лист бумаги, на фоне которого чернели ветви деревьев. От такого вида любого охватит тоска, но Коре все казалось красивым: обрывки березовой коры, похожие на куски беленого холста, мокрая и скользкая листва под ногами. Повсюду зеленел мох, окутывая, точно мехом, подножия деревьев и валявшиеся на дороге сломанные сучья. Раз-другой Кора запнулась о плети ежевики, к колючкам которой пристали клочки белой шерсти и какие-то перышки, серые на кончиках, и беззлобно выругалась.

Ей вдруг подумалось, что все вокруг, под этим блеклым небом, сотворено из одной и той же материи – не совсем плоти и крови, но и не из земли. Там, где ветви отрубили от стволов, зияли раны, и Кора не удивилась бы, если бы пни дубов или вязов, мимо которых она проходила, принялись пульсировать. Кора представила, что она – часть этой природы, рассмеялась, подошла к дереву так близко, что услышала трели дрозда, и подняла руку: вдруг сочный зеленый лишайник затянет кожу между пальцами?

Неужели это было всегда – и чудесная черная земля, в которой утопаешь по щиколотку, и коралловая плесень, что вьется оборкой по сучьям под ногами? Неужели и птицы тоже пели? И с неба сеялась изморось, такая легкая, что буквально растворяешься в ней? Конечно, было, ответила себе Кора, и не так уж далеко от дома. Наверно, она и раньше смеялась в одиночестве, уткнувшись лицом в сырую кору дерева, и вскрикивала от восторга, залюбовавшись листом папоротника, но все это было так давно, что теперь и не вспомнить.

Нельзя сказать, чтобы последние недели выдались совершенно безоблачными. Время от времени ее охватывала боль, и в мучительно долгие мгновения, когда Кора заново училась дышать, она чувствовала себя так, словно в груди открылась рана, ощущала внутри странное опустошение, будто какой-то жизненно важный орган был один на двоих с умершим и теперь медленно атрофировался за ненадобностью. В эти леденящие минуты она вспоминала не годы тревог, когда ей ни разу не удалось угадать его настроения или предвидеть, как и какие именно раны он нанесет ей на этот раз, а первые их месяцы, конец ее юности. Ах, как она была в него влюблена! Никто и никогда не мог бы любить сильнее. Она была

слишком молода, чтобы устоять перед этим чувством, – ребенок, опьяневший от глотка вина. Он мерещился ей всюду, словно она долго смотрела на солнце, а когда зажмуривалась, в темноте перед глазами мелькали сполохи. Он был так мрачен, что, когда Коре удавалось его рассмешить, она чувствовала себя императрицей во главе армии; он держался с ней так строго и отчужденно, что стоило ему в первый раз ее обнять, как она тут же ему покорилась. Тогда она еще не знала, что это дешевые трюки дешевого трюкача: уступить в малом, чтобы выиграть в главном. И боялась она его в следующие годы так же, как прежде любила, – так же бешено колотилось сердце, так же не спала ночей и прислушивалась к его шагам в коридоре, страх пьянил ее, как любовь. К ней в жизни не прикасался ни один мужчина, и Кора не могла судить, насколько странна ее такая же податливость страху, как наслаждению. Она не знала любви других мужчин, а значит, не в силах была понять, естественна ли его внезапная холодность. Что, если она неизбежна, как отлив, и столь же неумолима? Когда ей наконец пришло на ум подать на развод, было уже поздно: Фрэнсис не смирился бы даже с тем, что обед подадут в другое время против обычного, так что любые перемены угрожали его здоровью. К тому же само присутствие мальчика, несмотря на все его пугающие ритуалы и необъяснимые перепады настроения, внушало Коре чувство, в котором она – единственном из всех – ничуть не сомневалась: он ее сын, и она исполнит свой материнский долг. Она любила Фрэнсиса, и порой ей казалось, что он тоже ее любит.

Ветерок стих, смолк шелест дубравы, и Коре почудилось, будто ей снова двадцать, будто ее сын, стиснув кулачки, только что с криком появился на свет. Его хотели забрать у нее, укутать в белую пеленку, но она взбунтовалась, и младенца оставили. Он вслепую нащупал ее грудь и присосался к ней с такой силой, что акушерка изумилась: надо же, какой хороший мальчик, умненький. Они часами смотрели друг на друга; сын не сводил с нее глаз – мутных, темно-синих, цвета сумерек, – и она думала: «У меня появился союзник, и он никогда меня не оставит». Шли дни, и Коре казалось, будто ее раскололи на части, рана эта вовеки не заживет, из-за сына сердце ее всегда будет беззащитным, но она об этом никогда не пожалует. Она боготворила его, восторженно подмечала в нем каждую мелочь, любовалась, какая нежная кожа у него на пяточках – точно шелковая наволочка на подушке, часами щекотала их кончиком пальца, чтобы снова и снова увидеть, как он блаженно растопырит пальчики, – подумать только, ему нравится! Она доставляет ему удовольствие! Кулачок его походил на согретую солнцем ракушку, и она захватывала губами сжатые пальчики, удивляясь ему, его ручкам и ножкам, в которых таились такие сокровища. Но не прошло и нескольких недель, как глаза его словно зашорились, и Коре иногда казалось, что они действительно затуманились. Ее прикосновения причиняли ему боль или по меньшей мере приводили его в ярость, которую он не умел обуздать; когда она брала его на руки, он принимался вырываться, размахивал ручками, поцарапал ей веко острым ноготком большого пальца. Теперь не верилось, что когда-то они обожали друг друга. Растерянная и униженная Кора, чью любовь снова отвергли, научилась скрывать свои чувства, а Майкл смеялся над ее бедой: мол, с детьми возятся только простолюдины, и лучше ей препоручить воспитание няне и гувернантке. Шли годы. Она выучила привычки и характер сына, а он – ее. И пусть их отношения почти ничем не напоминали ту беззаботную любовь, которую Кора замечала между матерью и сыновьями в других семьях, все же их связь стала достаточно прочной, и это была их жизнь.

Кора шла вперед. Ледяной дождь и черная земля могли бы ввергнуть в уныние кого угодно, но в душе ее не было скорби об умершем. В горле забулькало, и она бессовестно расхохоталась, да так, что молчавшие дотоле птицы раскричались от испуга. Разумеется, Коре тут же стало стыдно, но она привыкла всю жизнь себя стыдиться, к тому же верила, что ей удастся скрывать растущее счастье от всех, кроме Марты. При мысли о подруге (которая наверняка сейчас хмуро сидит в кафе, куда сбегала от очередной причуды Фрэнки, или кокетничает с хозяином «Красного льва») она примолкла и приподняла руки, представив,

что Марта шагает к ней навстречу меж мокрыми деревьями. По ночам они лежали спина к спине под тонким стеганым одеялом, подтянув от холода колени к животу, иногда поворачиваясь друг к другу, чтобы шепотом пересказать вспомнившуюся сплетню или пожелать доброй ночи; иной раз Кора просыпалась у Марты в объятиях. Их простая дружба поддерживала Кору, когда все вокруг ввергало ее в отчаяние, и если Марта боялась, что в ней пропадет нужда, поскольку теперь Кора крепче стоит на ногах, то она ошибалась.

На восьмой миле Кора почувствовала, что устала. Она стояла на пригорке. Лес вокруг поредел, дождь кончился, в воздухе пахло свежестью, и хотя из-за низких белых облаков не пробивалось ни луча солнца, мир вокруг заиграл яркими красками. Повсюду краснели заросли прошлогоднего папоротника-орляка, а над ними желтели кусты рано зацветшего дрока. Невдалеке паслось стадо овец с фиолетовыми чернильными пятнами на задних ногах; животные на мгновение подняли глаза на Кору, повели лопатками и отвернулись. Тропинка, на которой стояла Кора, была яркой, глинистой, чуть ниже по склону холма зеленело густо поросшее мхом поваленное дерево. От перемены пейзажа у Кору захватило дух, как от высоты, и она зажмурилась, чтобы привыкнуть. Вдруг тишину прорезал странный вопль – казалось, плакал ребенок, но не такой уж маленький, чтобы так реветь. Слов было не разобрать, только всхлипы и хныканье, которые то стихали, то звучали громче. К детскому прибавился другой голос, явно мужской – глубокий, спокойный, напевный. Сперва Кора не поняла ни слова, но потом, прислушавшись, различила: «ну... ну... ну...» Повисло молчание. У Кору заколотилось сердце, хотя впоследствии она утверждала, будто ничуть не испугалась. Затем мужской голос раздался снова, на этот раз он звучал выше и грубее, и в какую-то минуту Коре показалось, будто посреди отчаянных уговоров проскользнула фраза: «Да чтоб тебя! Будь ты неладна!» Потом раздался глухой стук, как если бы чем-то твердым ударили по мягкому, а следом сдавленный вопль.

Тут Кора подобрала длинные полы пальто, отяжелевшие от грязи, и ринулась на крик. Глинистая тропинка с пригорка спускалась между высоких светло-зеленых изгородей со скрюченными почерневшими стручками, которые затрещали, когда Кора пробежала мимо. Чуть ниже бурые заросли папоротника наконец расступились, и Кора увидела овец, уткнувшихся мордой в траву, а слева – мелкое озерцо, над которым высился голый дуб. Вода в озере помутнела от грязи, поверхность испещряли капли дождя. Ни водорослей, ни птиц – ничем не примечательное озеро, за исключением того, что на ближнем к Коре берегу над водой склонился какой-то мужчина. Он боролся с чем-то белым, что ожесточенно сопротивлялось и хныкало, и от этого звука Кору затошнило. Отчаянные движения неизвестного существа показались ей до того знакомыми, что Кора припустила вперед, пытаясь крикнуть: «Довольно! Прекратите!» – но голос сорвался на визг.

Неизвестно, услышал ли незнакомец ее вопль, но головы не поднял и дела своего не оставил. Он вдруг снова что-то проворковал тем же глубоким голосом, который Кора слышала в первый раз, но теперь это привело ее в смятение: разве можно так ласково разговаривать с тем, с кем обходишься так жестоко? Подбежав ближе, она увидела, что мужчина стоит по щиколотку в мутной воде и спина его в темном зимнем пальто забрызгана грязью. Даже с такого расстояния Кора заметила, что незнакомец выглядел сущим оборванцем – от пропитанной влагой плотной одежды до мокрых вьющихся волос, падавших ему на воротник. Если верить легендам, подумала Кора, и человек действительно сотворен из горсти праха, то перед нею Адам собственной персоной – грязный, словно слепленный из глины, дурно сложенный, косноязыкий.

– Что вы делаете? Прекратите!

Незнакомец обернулся, и Кора увидела, что роста он чуть выше среднего и крепко сбит. Лицо его было таким чумазым, что казалось, будто у мужчины растет борода. Возраста не разберешь, то ли двадцать, то ли шестьдесят, рукава засучены до локтей, так что

видны жилистые сильные предплечья. Окинув Кору взглядом, незнакомец, видимо, решил, что опасности она не представляет, а помощи от нее не дожدهшься, пожал плечами и отвернулся. С таким пренебрежением Кора мириться не собиралась: с отчаянным криком она бросилась к мужчине и, подбежав к кромке воды, увидела, что белое существо, которое отчаянно сопротивлялось незнакомцу, просто увязшая на мелководье овца. Кору охватило облегчение: ужасы, которые она вообразила, оказались пшиком.

Овца вытаращила на Кору глупые глаза и заблеяла. Задние ноги животного до самого живота были выпачканы в глине, и оттого, что овца трепыхалась, увязала она еще сильнее. Незнакомец просунул правую руку под левую переднюю ногу овцы, схватил ее за спину, а левой пытался уцепиться за бок и вытащить бедолагу на сушу, но поскользнулся на раскисшем берегу. Овца с перепугу зажмурилась, замерла на мгновение, словно покорившись судьбе, потом заблеяла, снова принялась биться и ударила передним левым копытом мужчину по щеке. Он вскрикнул от боли, и Кора увидела, что под грязью проступила кровь.

Вид его рассеченной щеки вывел Кору из оцепенения.

– Давайте помогу, – предложила она, и мужчина что-то пробурчал в знак согласия.

«Да он полоумный!» – осенило Кору (забавно будет описать это происшествие друзьям). Овца снова обмякла, испустила долгий вздох, так что изо рта у нее поднялась струйка пара, и позволила мужчине вцепиться обеими руками ей в спину. Оба тут же ухнули в жидкое месиво, и мужчина, оглянувшись, в сердцах бросил Коре:

– Ну что же вы? Помогите!

Значит, все-таки не совсем полоумный. Незнакомец растягивал гласные – типичный акцент для этих краев. Кора взялась за свой широкий мужской ремень. Замерзшие пальцы не слушались, и, пока она пыталась расстегнуть пряжку, овца увязла еще глубже. Наконец Коре удалось снять ремень, она кинулась к овце и набросила на нее петлю из пояса, как уздечку, чтобы подхватить под передние ноги. Мужчина выпустил овцу и забрал у Кору ремень; животное, почуяв, что его больше не держат, дернулось, и Кора упала в грязь. Незнакомец и бровью не повел, лишь пробурчал: «Вставайте! Ну же!» – жестом велел взять ремень и снова вцепился овце в бок. Вдвоем они медленно потащили бедолагу на берег. Кора чувствовала, как напрягаются плечевые кости в суставных ямках. Наконец овца оказалась на суше, а Кора с незнакомцем рухнули на землю. Кора отвернулась, стараясь отдышаться. Бог с ним, с испорченным пальто и болью в запястьях, но стоило ли так убиваться ради этого олуха с его безмозглой скотиной? Пасшиеся в отдалении товарки несчастной настороженно уставились на них, но чудесное спасение утопающей ничуть их не тронуло. «Мне бы радоваться», – подумала Кора, но на душе было скверно.

Кора обернулась. Мужчина смотрел на нее поверх рукава, который прижимал к ссадине на щеке. Он надел шапку, такую неказистую, словно сам кое-как связал ее из обрывков алой пряжи, натянул до бровей, которые были так густо облеплены грязью, что едва не закрывали глаза.

– Спасибо, – буркнул он гнусаво, и даже это короткое словцо выдавало в нем деревенщину.

«Явно селянин», – подумала Кора и, не ответив на высказанную столь неучтиво благодарность, спросила, указав на лежавшее без сил животное:

– Она оправится?

Овца беззвучно пожевала губами и закатила глаза.

Незнакомец пожал плечами:

– Наверно.

– Ваша?

– Ха! Нет. Не из моего стада.

Эта мысль, должно быть, его позабавила, и он усмехнулся.

Значит, он бродяга! Кора привыкла думать о людях хорошо, если только они не давали ей повода считать иначе, к тому же она скоро вернется домой, к Марте и чистым белым простыням, а этот бедняга, быть может, устроится на ночлег в зарослях папоротника, и рядом с ним не будет никого, кроме едва не утонувшей овцы. Кора улыбнулась и решила закончить разговор со светской любезностью:

– Что ж, мне пора домой. Рада была с вами познакомиться. – Она обвела рукой мокрые дубы и илистый пруд, поверхность которого после их борьбы еще не успокоилась, и, желая казаться любезной, проговорила: – До чего же здесь мило.

– Неужели?

Голос его прозвучал приглушенно из-за рукава, который бродяга по-прежнему прижимал к щеке. Кора заметила, что по лицу у него струится кровь, смешанная с грязной водой. Ей хотелось спросить, не больно ли ему, сумеет ли он благополучно добраться до дома, не нуждается ли в помощи, но, в конце концов, это его края, а она здесь лишь гостья. Тут Кора увидела, что сгущаются сумерки, и подумала вдруг, что если кто из них двоих и нуждается в помощи, так это она: до гостиницы бог знает сколько миль, к тому же она понятия не имеет, где сейчас находится. Стараясь сохранить лицо, она спросила:

– Скажите, пожалуйста, далеко ли до Колчестера? Где мне нанять кэб, чтобы доехать до дома?

Бродяга, видимо, был так глуп, что даже не удивился. Он кивнул на дальний берег, где меж дубов виднелся просвет, за которым тянулось поле:

– Вон там дорога, по ней налево, через пятьсот ярдов будет трактир, они добудут вам кэб.

С этими словами бродяга махнул ей, словно вельможа, отпускающий слугу, развернулся и побрел прочь. От холода он так ссутулился, что казался горбуном в тяжелом от грязи пальто. Кора, которую всегда было легче развеселить, чем разгневать, не удержалась от смеха. Видимо, незнакомец это услышал, поскольку остановился, полуобернулся к ней, но потом передумал и продолжил путь.

Кора плотнее запахнула пальто, затянула пояс. Вокруг нее пели свои вечерние песни птицы. Овца проползла ярд-другой по берегу, приподнялась на согнутых ногах и тыкалась мордой в землю в поисках травы. Смеркалось, над холодной землей вставала тонкая молочная пелена тумана, касаясь ботинок Кору. Травяная изгородь у последнего дуба покосилась, прилегла на обочину; неподалеку ярко светились окна деревянно-кирпичного трактира, маня проезжавших мимо путешественников, и Кора вспомнила, что до дома еще далеко, дороги она не знает, и при мысли об этом на нее вдруг обрушилась такая усталость, что она едва устояла на ногах. Переступив порог трактира, Кора увидела женщину с белокурыми локонами, уложенными в высокую прическу. Блондинка стояла, облокотясь на барную стойку, и приветливо улыбалась госте. Кора замерла в дверях, чтобы поправить одежду. Разгладив пальто, она обнаружила на пряжке ремня клочок белой шерсти с пятном крови. В свете лампы кровь блестела, как свежая.

5

Джоанна Рэнсом, неполных тринадцати лет, высокая, в отца, и в его новехоньком пальто, вытянула руку над костром, поднесла пальцы к самому огню и медленно убрала, стараясь сохранить достоинство. Ее младший брат Джон с серьезным видом наблюдал за сестрой. Он куда охотнее засунул бы руки в карманы, но ему было велено потерпеть, чтобы промерзли как следует.

– Мы же приносим жертву, – пояснила Джоанна по дороге к клочку земли за Краем Света, где за болотами начиналось устье Блэкуотера, а за ним – море. – А какая жертва без мучений?

Днем Джоанна отвела Джона в уголок их холодного дома и прошептала: что-то в Олдуинтере нечисто. Сперва утопленник (говорят, его нашли голым, с пятью глубокими ссадинами на бедре!), потом эпидемия в Феттлуэлле, да еще им всем приснился кошмар: мокрые черные крылья. И мало того: ночи уже должны были стать светлее, в саду должны были зацвести подснежники, а мама давным-давно должна была спать ночи напролет, а не просыпаться от надсадного кашля. По утрам должны петь птицы. Дети не должны дрожать от холода в кровати. Все это либо из-за нераскаянного греха, либо из-за того, что землетрясение разбудило что-то в глубине Блэкуотера, – а может, потому что отец соврал («Сказал, будто не боится и ничего там нет, но тогда почему больше не ходит к морю после заката? Почему не пускает нас поиграть на лодки? И почему у него такой усталый вид?»). Что бы ни стало причиной, кто бы ни был виновен, но они обязаны вмешаться. В древности в далеких странах вырезали жертвам сердца, чтобы умиловить солнце, так отчего бы им ради спасения деревни не провести небольшой обряд?

– Я все придумала, – сообщила Джоанна. – Вы же мне доверяете, правда?

Они стояли меж ребер клипера, который кто-то бросил здесь лет десять тому назад да так и не убрал с берега. Суровая стихия оставила от корабля с дюжину выгнутых почерневших балок, до того похожих на разъятую грудную клетку утонувшего зверя, что местные прозвали этот скелет Левиафаном. Лежал он неподалеку от деревни, так что детей не ругали за самовольные отлучки, но при этом они оказывались вне поля зрения взрослых, и те не видели, чем дети там занимаются. А они летом сушили на балках одежду, зимой жгли в корпусе костры, причем всегда опасались, что он сгорит, и расстраивались, когда этого не случилось. На досках вырезали перочинным ножом ругательства и любовные послания, прятали на мачтах монетки и забывали их тратить. Джоанна разложила костерок чуть поодаль от клипера, в круге из камней, и дрова хорошо занялись. Она обвязала их бурыми водорослями, источавшими пряный запах, и вдавила в крупный песок семь своих лучших ракушек.

– Я есть хочу. – Джон посмотрел на сестру и тут же пожалел о своем малодушии. Весной ему исполнится семь лет, а ведь с годами отвага должна прибывать. – Но я потерплю, – добавил Джон и дважды вприпрыжку обежал вокруг костра.

– Так и надо, ведь сегодня же ночь голодной луны, правда, Джо? – Рыжая Наоми Бэнкс прислонилась к Левиафану и с обожанием уставилась на подругу. В глазах Наоми дочь преподобного Рэнсома обладала властью королевы и премудростью Всевышнего, так что девочка с радостью прошла бы босиком по горящим углям, если бы подруга велела.

– Верно, голодная луна и последнее полнолуние зимы.

Стараясь держаться одновременно строго и снисходительно, Джоанна представила себе отца во время проповеди и приняла такую же позу. За неимением кафедры она воздела руки к небу и произнесла нараспев (чему училась несколько недель):

– Мы собрались здесь в день голодной луны, чтобы умолить Персефону разорвать цепи Аида и принести весну в наши родные края. – Джоанна бросила быстрый взгляд на подругу, гадая, удалось ли взять верный тон и не злоупотребляет ли она образованием, на котором настоял отец.

Наоми прижала к горлу ладонь, покраснелась, глаза ее сияли, и ободренная Джоанна продолжала:

– Слишком долго терзали нас зимние ветры! Слишком долго темные ночи скрывали ужасы, что таятся в реке!

Джон взвизгнул. Как бы он ни храбрился, а все равно боялся чудовища, которое, быть может, прячется в ста ярдах от них. Джоанна нахмурилась и чуть возвысила голос:

– Услышь нас, о богиня Персефона! – После чего повелительно кивнула соратникам, и те дружно повторили:

– Услышь нас, о богиня Персефона!

Они возносили мольбы многочисленным богам, на каждом имени преклоняя колена; Наоми, чья мать держалась старой веры,¹⁷ истово крестилась.

– А теперь, – заявила Джоанна, – мы должны принести жертву.

Джон отлично помнил историю Авраама, который связал сына, положил на алтарь и занес над ним нож; мальчик снова взвизгнул и дважды обежал вокруг костра.

– Вернись, дурачок, – крикнула Джоанна, – никто тебя не тронет.

– Кроме змея, – добавила Наоми и, растопылив пальцы, точно когти, пошла на Джона, но тот посмотрел на нее с таким упреком, что она покраснела от стыда и взяла мальчика за руку.

– Мы жертвуем тебе наш голод, – проговорила Джоанна, и в желудке у нее позорно заурчало (завтрак она завернула в салфетку и позже скормила собаке, а от обеда отказалась, сославшись на головную боль). – Мы жертвуем тебе наш холод. (Наоми преувеличенно содрогнулась.) Мы жертвуем тебе нашу боль. Мы жертвуем тебе наши имена.

Джоанна примолкла, на минуту забыв ритуал, который придумала раньше, потом сунула руку в карман и достала три клочка бумаги. Днем она окунула уголок каждого в церковную купель, оглядываясь, не идет ли отец, хотя на всякий случай заготовила несколько отговорок. От воды уголки листов скукожились и сейчас, когда она протянула бумажки остальным участникам обряда, отчетливо хрустели.

– Теперь нам надо сотворить заклинание, – сурово объявила Джоанна, – отдать частичку собственной природы. Мы должны написать свои имена, поклявшись богам, которые нас слышат, пожертвовать собой – в надежде, что зима отступит от деревни.

Она вслушивалась в слова, которые произносила, довольная придуманной формулировкой. Вдруг ей на ум пришла мысль. Девочка подобрала с земли палочку, сунула в костер, дала ей заняться, после чего, задув пламя, угольком накорябала на клочке бумаги свое имя. Палка еще тлела, бумага коробилась и рвалась, так что богам понадобилась бы вся небесная мудрость, чтобы с такой высоты разобрать хоть что-то, кроме инициалов Джоанны, но на остальных ее жест произвел огромное впечатление. Она протянула палку Наоми, та нацарапала на бумажке «Н» и хотела было помочь Джону поставить отметину, но тот так гордился своим почерком, что лишь отмахивался да отпихивал помощницу локтем: сам справлюсь.

– А теперь, – Джоанна собрала бумажки и порвала их на клочки, – идем к костру. Отморозили руки? Наполнили их зимой? («Отлично сказано: наполнить зимой», – подумала Джоанна. Пожалуй, когда вырастет, она станет священником, как отец.)

Джон посмотрел на кончики пальцев: что, если они почернеют от холода?

– Я не чувствую рук, – признался он.

– Ничего, сейчас почувствуешь, – ухмыльнулась Наоми – рыжая, в рыжем пальто. Джон ее терпеть не мог. – Еще как почувствуешь.

Она рывком подняла его на ноги, и они следом за Джоанной подошли к костру. Кто-то наступил на пучок водорослей, и те затрещали. Невдалеке набегали на берег волны: начинался прилив.

– Ну, Джон, – проговорила Джоанна, – сейчас придется потерпеть: будет больно.

Она бросила в огонь клочки бумаги, а следом – щепотку соли из серебряной материнской солонки. Пламя на мгновение вспыхнуло синим. Джоанна протянула руки над костром, величаво кивнула товарищам, чтобы те последовали ее примеру, закрыла глаза и повернула ладони к пламени. Сырое полено брызнуло искрами, так что прожгло рукав отцова пальто.

¹⁷ Речь о католицизме.

Джоанна вздрогнула и, опасаясь, как бы брат не обморозился (кожа на его запястьях побелела), взяла его за руки и подтянула их на дюйм-другой ближе к огню.

– Это не чтобы ты получил ожог, – поспешно пояснила она, – а чтобы согрелся быстрее. Руки будут гореть, словно когдаходишь домой с мороза.

– Смотрите, у меня вены просвечивают, – похвасталась Наоми, прикусив прядь волос. И правда: у нее были перепоночки между пальцами, и она гордилась этим дефектом – ей как-то сказали, что такой же был у Анны Болейн, и ничего, окружила самого короля. Пламя костра просвечивало сквозь тонкую кожу, так что были видны синие жилки.

Джоанна молча подивилась, но сказала, желая подчеркнуть, кто здесь главный:

– Мы пришли сюда, чтобы пожертвовать плотью, Номи, а не чтобы ею хвалиться. – Она назвала подругу детским именем, чтобы показать, что не осуждает ее.

Наоми согнула пальцы и серьезно проговорила:

– Больно, между прочим, уж будь уверена. Как крапива жжет.

Подруги посмотрели на Джона: у мальчика дрожали руки от страха, и либо стелившийся по земле дым от костра ел глаза, либо малыш изо всех сил старался не расплакаться. Но с ним явно что-то было неладно: пальцы покраснели, и Джоанне даже показалось, что кончики их опухли. Джоанна не сомневалась, что боги милостиво примут жертву такого юного участника обряда, как не сомневалась и в том, что мама ей задаст (и поделом!). Она толкнула брата локтем и сказала:

– Подними руки выше, что ты как дурак! Пальцы до костей сжечь хочешь?

Тут у Джона брызнули слезы, и в тот же самый миг (по крайней мере, так потом рассказывала Джоанна, когда они забрались в школе под стол, Наоми кивала, прижавшись к боку подруги, а сидевшие у них в ногах девочки благоговейно слушали) из-за низкой сизой тучи вышла полная луна. Мертвенно-бледным светом залило усыпанный галькой песок; море, подкрадывавшееся сзади по соленым болотам, заблестело.

– Это знак, видели? – Джоанна отдернула руки от огня, но тут же вытянула обратно, заметив приподнятую бровь Наоми. – Знамение свыше! Сама богиня... – она запнулась, вспоминая имя, – богиня Феба слышала наши мольбы!

Джон и Наоми обернулись на луну и долго глядели на ее обращенный к миру лик. Каждый увидел в щербатом диске печальные глаза и искривленный рот женщины, окутанной тоской.

– Думаешь, получилось? – Наоми не допускала мысли, что подруга могла ошибиться в таком важном деле, как заклинание весны, к тому же у нее болели руки и во рту маковой росинки не было со вчерашнего вечера, после хлеба с сыром; да и разве она не видела, как ее собственное имя на крещеном клочке бумаги вспыхнуло снопом искр? Она застегнула до горла пальто и оглянулась на море за солеными болотами, словно ожидала увидеть рассвет, а с ним и стаю стрижей.

– Ох, Номи, не знаю! – Джоанна вяло ковыряла песок носком ботинка, ей уже было немного стыдно за свое представление. Подумать только: говорила нараспев, размахивала руками, как маленькая! – Не спрашивай меня, – добавила она, предупреждая вопросы, – я же раньше такого не делала, правда?

Джоанну кольнуло чувство вины. Она опустила на колени возле брата и сказала угрюмо:

– Ты держался молодцом. Если не получится, то уж точно не из-за тебя.

– Я домой хочу. Мы опоздаем, нас накажут, весь ужин съедят, а сегодня мое любимое.

– Не опоздаем, – успокоила его Джоанна. – Мы же обещали вернуться засветло, а еще светло, видишь? Еще не стемнело.

Но уже почти стемнело, и Джоанне показалось, будто темнота наползает из-за устья реки, с моря, которое словно почернело и так загустело, что по нему при желании можно

было пройти пешком. Всю свою жизнь она провела здесь, в глухом краю, и ни разу ей в голову не пришло усомниться в этой переменчивой земле. И соленая вода, сочащаяся по болотам, и меняющиеся очертания илистых берегов и ручейков, и приливы и отливы, время которых она ежедневно сверяла по отцовскому альманаху, были ей так же привычны, как семейный уклад, и не внушали страха. Еще не умея различать их на бумаге, Джоанна, сидя у отца на плечах, с гордостью показывала и называла Фаулнесс и Пойнт-Клир, Сент-Осайт и Мерси, и где находится часовня Святого Петра на стене. Домашние повторяли, покружив ее на месте с десяток раз: «Все равно она встанет лицом на восток, к морю».

Но во время их ритуала что-то переменялось. Джоанну так и подмывало оглянуться через плечо, словно она могла увидеть, как прилив повернет вспять или волны расступятся, будто перед Моисеем. Разумеется, она слышала о притаившемся в водных глубинах чудовище, из-за которого пропал ягненок, а человек сломал руку, но не придавала этому значения: в детстве и так всего боишься, так зачем верить сплетням и умножать страхи? Она подняла глаза, чтобы еще раз увидеть бледное печальное лицо лунной женщины, но небо над болотами затянули густые тучи. Ветер стих, как обычно бывает в сумерках, и землю на простиравшейся перед ребятами дороге прихватил морозец. Джона явно снесла тревога: забыв о том, что уже почти большой, он взял сестру за руку, и даже Наоми, сроду никого и ничего не боявшаяся, беспокойно прикусила свой локон и придвинулась ближе к подруге. Они молча прошли мимо догоравших углей костра, мимо Левиафана, на ночь поглубже зарывшегося в песок, то и дело оглядываясь через плечо на черную воду, которая подбиралась по илу все ближе. «Все на улицу бегом, – пропела Наоми, не сумев скрыть дрожь в голосе, – под лунной светло как днем!»

Гораздо позже (и то под нажимом, поскольку все это казалось частью ритуала, которого они почему-то стыдились) каждый из них утверждал, будто вода в одном месте загустела и вздыбилась, – там, где соленое болото сменял обрывистый берег. Впрочем, ни длинных лап, ни вылезших из орбит глаз – словом, ничего такого страшного они не видели и не слышали ни звука, лишь заметили, как что-то мелькнуло, слишком быстро для волн и не в том направлении, в котором они обычно бегут. Джон настаивал, что оно было белесое, Джоанна же считала, что это лунные блики на воде. Первой об этих странностях заикнулась Наоми и расписала чудовище в таких красках – и крылья его, и рыло, – что все дружно решили, что она вообще ничего не видела, и больше ее никто не слушал.

– Далеко еще до дома, Джоджо? – Джон дернул сестру за руку. Его так и подмывало бегом бежать к маме и стывшему на столе ужину.

– Уже почти пришли. Видишь дым из труб и паруса на лодках?

Они вышли на тропинку, и керосиновые лампы на окнах Края Света показались им прекраснее огней рождественской елки. От холода и страха зуб на зуб не попадал. Крэкнелл обходил перед сном хозяйство, запер в хлеву Гога с Магогом и остановился у калитки, чтобы поздороваться с детьми.

– *Все на улицу бегом*, – заслышав их шаги, пропел Крэкнелл, похлопывая в такт по столбу ворот, – и пусть сегодня на небе полная луна, не надейтесь, что будет светло как днем: она же берет свет взаймы, и платит проценты, и месяц за месяцем теряет капитал, оттого она такая тусклая. А?

Старик усмехнулся, довольный шуткой, поманил детей ближе, еще ближе, так что они почувствовали запах сырой земли, исходивший из карманов его пальто, и увидели освеженные тушки кротов, висевшие кверху задними лапками на заборе.

– Что, малый, не терпится домой? – Крэкнелл кивнул Джону, с которым они были старые друзья.

В другое время мальчик ни за что бы не упустил возможность забраться на спину Гогу или Магогу и объехать вокруг хижины, а потом полакомиться медом прямо из сот, но Джон

уже успел представить, как его ужин отдают собаке, и бросил на старика сердитый взгляд, а Крэкнелл, видимо, не ожидавший такого, тоже нахмурился и схватил мальчишку за ухо.

– Вот что я вам скажу: времена теперь такие, что если вы на улицу бегом, то домой уже, глядишь, и не вернетесь, и я по вам так точно не заплачу, «ей, гряди, Господи Иисусе!»,¹⁸ сказал бы я, да уж давно не поминаю имя Божье... как там дальше поется, «и с друзьями поиграй», только уж больно странного дружка вы себе нашли в темных водах Блэкуотера, не думайте, что я ничего не знаю, я сам его видел раза два или три в лунную ночь... – Крэкнелл крепче сжал ухо Джона. Тот вскрикнул от боли.

Старик удивленно уставился на собственную руку, как будто она сделала что-то помимо его воли, и отпустил Джона: тот расплакался и принялся тереть глаза.

– Ну-ну-ну... чего ревешь? – Крэкнелл похлопал себя по карманам, но не нашел ничего, чем мог бы утешить мальчишку, которому больше всего на свете хотелось поужинать и забраться к маме на колени. – Я по-доброму говорю, из самых лучших побуждений, я же вам добра желаю, мне вовсе не хочется, чтобы кого-нибудь из вас или ваших высмотрели, да подобрались к вам да сожрали.

Джон безутешно рыдал, и Джоанна на миг испугалась, что старик тоже сейчас расплачется от стыда и, пожалуй, от страха (так ей показалось). Она потянулась поверх увешанного кротами забора и погладила Крэкнелла по засаленному рукаву, лихорадочно соображая, чем бы его успокоить, как вдруг старик напрягся, вскинул руку и крикнул:

– Стой! Кто идет?

Все трое подскочили от неожиданности, Джон уткнулся в сестрино пальто, Наоми развернулась на месте и ахнула. Прямо на них по тропинке с глухим ворчанием медленно надвигалась бесформенная тень. Она не ползла – неизвестное существо шло на задних ногах и было похоже на человека. Вот оно вскинуло руки – и впору перепугаться до смерти, если бы звук, который оно издавало, не походил на смех. Да, это явно был человек, и его неспешная походка даже показалась детям знакомой. Человек приблизился, вышел на свет ламп и остановился. Джоанна увидела тяжелые ботинки и длинное перепачканное пальто, лица было не разобрать за плотным шарфом и надвинутой на глаза шапкой, сквозь грязь на которой местами проглядывала алая шерсть.

– Что, не узнали? Неужели я так плохо выгляжу? – Мужчина стащил вязаную шапку, и в свете ламп блеснули густые растрепанные кудри того же каштанового оттенка, что и длинная коса Джоанны.

– Папочка! Где же ты был? Что ты делал? Как ты порезал щеку?

– Джон, сынок, неужели ты отца родного не узнал? – Преподобный Рэнсом обнял детей, потрепал по плечу Наоми и кивнул Крэкнеллу.

– Видеть вас – всегда большая радость, ваше преподобие, и раз уж вы, я так полагаю, отведете этих малюток домой, то позвольте пожелать вам всем доброй ночи. – Старик поклонился каждому из них (и ниже всех Джону), ушел в дом и захлопнул дверь.

– Что вы здесь делаете так поздно, а? Придется нам с вами держать ответ перед мамой. И что я скажу вашему отцу, мисс Бэнкс? – Преподобный ласково ущипнул Наоми за щеку и подтолкнул к дому, выстроенному из серого камня; окнами дом смотрел на причал. Девочка оглянулась через плечо на друзей и убежала. Скоро они услышали, как лязгнул засов.

– Папа, так где же ты был? Где ты так поранился? Наверно, придется зашивать? – С радостью проговорила Джоанна, втайне мечтавшая стать хирургом.

– Ничего страшного. Джон, почему ты плачешь? Ты уже большой! – Уилл крепче обнял сына, и тот подавил всхлип. – Я спасал овец и пугал дам. И должен вам сказать, – они дошли

¹⁸ Откровение Иоанна Богослова, 22:20.

до клетчатой садовой дорожки, вдоль которой во мраке белели подснежники, – что давненько мне не было так весело. Стелла! Мы дома, иди скорей сюда!

Март

*Стелла Рэнсом
Дом приходского
священника церкви
Всех Святых
Олдуинтер
11 марта*

*Уважаемая миссис Сиборн,
Пишу Вам в надежде, что Вы уже слышали обо мне, а значит, мое письмо не станет для Вас неожиданностью. Чарльз Эмброуз уверяет, что Вы ждете весточки от семейства Рэнсомов из Олдуинтера, – и вот они мы!*

Прежде всего примите наши самые искренние соболезнования в связи с недавней утратой. Лондонские новости доходят до нас нечасто, но о мистере Сиборне мы слышали от Чарльза и даже читали в «Таймс». Мы знаем, что им многие восхищались и наверняка очень любили. Мы с мужем молимся за Вас, а я особенно: кому, как не женищине, понять горе жены, потерявшей супруга!

Теперь о деле. В будущую субботу мы ждем к ужину Чарльза и Кэтрин Эмброуз и были бы счастливы, если бы Вы смогли к нам присоединиться. Я слышала, что Вы приехали с сыном и компаньонкой, о которой Чарльз отзывался очень тепло, и мы были бы очень рады с ними познакомиться. Ужин будет без особого повода – это лишь возможность встретиться со старыми друзьями и завести новых.

*Адрес наш Вы найдете на конверте. Добраться к нам из Колчестера очень просто: поезда, к сожалению, к нам не ходят, но можно взять кэб. Надеюсь, Вы у нас заночуете. Места у нас довольно, так что ни к чему Вам возвращаться домой на ночь глядя. Буду ждать Вашего ответа, а пока придумаю, какими деликатесами удивить даму столичных вкусов!
Искренне Ваша,
Стелла Рэнсом.*

P. S. Не удержалась и отправила Вам примулу, но мне не хватило терпения высушить ее как следует, и она испачкала страницу. Вечно я тороплюсь! С.

1

Доктор Люк Гаррет со сдержанным удовольствием оглядел номер в колчестерской гостинице «Георг» и вынужден был признать, что денег Спенсер не пожалел. На кончике пальца, которым доктор провел по всем поверхностям в комнате, не осталось ни пылинки.

– Здесь можно делать аппендэктомию, – заметил Люк с выражением, которое его друг справедливо истолковал как пожелание всем встречным свалиться с недугом. Убедившись, что в номере чисто, Гаррет открыл латунные защелки чемодана и вытащил пару мятых рубашек, несколько книг с загнутыми страницами и пачку бумаги. Все это он выложил на туалетный столик и благоговейно увенчал белым конвертом, на котором аккуратной и твердой рукой было выведено его имя.

– Она ждет нас? – Спенсер кивнул на конверт: он прекрасно знал почерк Кору, поскольку последнее время друг давал ему читать все ее письма, чтобы лучше вникнуть в скрытый смысл каждой фразы.

– Ждет ли? Еще как ждет! Сам бы я ни за что не поехал: у меня куча дел. Что уж скрывать, Спенсер, она меня умоляла. «Приезжайте, пожалуйста, милый Чертенок! Я так по вам скучаю», – писала она, – оскалился Гаррет, и черные глаза его просияли. – «Я так по вам скучаю!»

– Мы увидим ее сегодня? – с деланным безразличием спросил Спенсер, у которого были свои причины проявлять нетерпение, но он их успешно прятал даже от испытующего взора Гаррета и старался не выдавать себя. Однако друг его был так поглощен письмом Кору (дважды шепотом прочел вслух обращение «милый Чертенок!)), что ничего не заметил и обронил лишь:

– Да, они остановились в «Красном льве», мы договорились встретиться в восемь – минута в минуту, насколько я знаю Кору, а я ее знаю.

– Тогда я пройдуся. Жаль в такой погожий день сидеть взаперти, да и замок посмотреть хочется. Говорят, здесь сохранились развалины после землетрясения. Пойдешь со мной?

– Еще чего. Терпеть не могу прогулки. К тому же у меня с собой доклад шотландского хирурга, который утверждает, будто можно облегчить паралич, надавливая на позвоночник, и я частенько думаю, что в Эдинбурге мне было бы стократ лучше, чем в Лондоне: тамошние медики куда смелее столичных, да и этот их жуткий климат мне подходит...

Тотчас позабыв о Спенсере и замке, Гаррет уселся по-турецки на кровать, разложил перед собой дюжину страниц машинописного текста, перемежавшегося изображениями позвонков. Спенсер, обрадовавшись, что весь день будет предоставлен самому себе, застегнул пальто и вышел.

Опрятный белый фасад «Георга» выходил на широкую Хай-стрит. Хозяева гостиницы явно считали ее лучшей в городе и подчеркивали это высокое положение с помощью множества подвесных кашпо, в которых отчаянно боролись за место нарциссы и примулы. День выдался ясный, и небо словно жалело, что зима так медленно отступает: высокие облака неслись по неотложным делам в какой-то другой город. Впереди блестел шпиль церкви Святого Николая, повсюду пели птицы. Спенсер, который разве что под пыткой отличил бы сороку от воробья, восхищенно слушал их пение и любовался живописным городком, яркими полосатыми навесами над тротуаром и вишневыми лепестками, испещрившими рукав его пальто. Наконец он нашел разрушенный дом, калеку, сидевшего на пороге, как часовой после смены, и это тоже привело Спенсера в восторг: и комнаты, поросшие плющом и молодыми дубками, и нищий, который снял пальто и нежился на солнце, словно кот.

Спенсер стеснялся своего богатства и от этого бывал непомерно щедр; вот и сейчас ему захотелось поделиться с калекой частичкой радости этого дня, и он опустошил карманы в перевернутую шляпу. Потрепанный фетр просел под тяжестью монет, нищий подозрительно вперился в Спенсера – не разыгрывает ли? – но потом успокоился и ухмыльнулся, обнажив превосходные зубы.

– Похоже, на сегодня можно заканчивать, – произнес он, нашарил за своим каменным постаментом низкую деревянную тележку на четырех железных колесах, привычным движением перетащил на нее туловище, надел кожаные перчатки, чтобы не ссадить ладони, и проворно покатился к тротуару.

Спенсер заметил, что тележка сработана на славу: на ней даже был вырезан узор из переплетающихся колец. От такой тележки не отказался бы и изрубленный в битве кельт, так что жалость, которую Спенсер почувствовал было к бедняге, казалась оскорбительной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.